

68 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

**Виталий
ЛАМОВ**

*д. Першинская,
Вологодская
область*

СЕЗОНЫ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

О С Е Н Ь

ЛЕСНОЙ ДОЗОР

Когда менял нестреляный патрон с глухаринной или заячьей дробью на дежурный, рябчиковый номер, как наиболее вероятный к использованию, и заглядывал по привычке перед этим в дуло, его внутренняя зеркальная «хромизма» вызвала раздражение. Ствол сверкал, словно фужер на ресторанном столике. Не наполненный. (Скажите, у кого нет аллергии к пустой посуде?)

Так и не успев превратиться в полноценный день, осенний серый будень уже скатывался к ночи, а сосуд охотничьей страсти оставался сухим. Не для любования, в самом деле, чистилось ружьё, но для того, чтобы испачкать ствол свежим пороховым нагаром. Не получалось.

Что делает студент, заваливший экзамен? Бухгалтер, не успевающий в квартальном отчёте свести дебет с кредитом? Поспешивший плотник, у которого гвоздь то гнётся, то пробивается не там и не туда?.. Они переживают, раздражаются, ругаются... Неудачливый охотник рвёт своё сердце ещё пуще.

Некогда широкая тракторная дорога скукожилась до дорожки-стёжки. Она совсем было затерялась на полянке, бывшем пахотном польце, но затем щёлкой приоткрылась в противоположной стенке леса. Словно знала, что от этого охотника с его длинной памятью всё равно не утаиться.

Я вступил в податливо расступившийся ельник, усиленно вращая головой вправо-влево, вверх-вниз. Припомнилась вдруг сентенция промысловика: «У хорошего охотника должна болеть шея». Где, думаете, вычитал? В детстве, в газете «Пионерская правда» в очерке об охотнике-соболятнике. Вот и крутил головой, подражая сове: пытался узреть первым и большую чернь на сосне – глухаря, и малую пестринку на берёзе или ольхе – рябчика, и чужеродно белое пятнышко под ёлочкой – зайчика.

Только шагнул раз-другой под полог леса, как наткнулся взглядом на кучку жёлто-охристых с белыми кончиками «червячков» – продукт жизнедеятельности кого-то из куриных. Тетерев? Посмотрел вверх. Нет, берёзы, обычные присады тетеревов, растут в стороне. Значит, помёт свой оставил рябчик. Но как необычно много на одном месте! И тут увидел над этой птичьей уборной на двухметровой высоте дугу тонкого прута ивы, которая явно служила насестом для рябчика. Я достал из-за пазухи пищик*. Поманил «петушком», посвистел

«самочкой». Не получил ответа. Понуро шагнул дальше по своей безрадостной охотничьей тропе и тут же вздрогнул от взбалмошной трескотни рябчиковых крыльев. Фы-ырр! И нет птицы. Рябчик сидел на ближней ёлке и прекрасно видел и слышал все действия незадачливого охотника.

Я ещё постоял какое-то время под птичьим «седалом».

Мне самому захотелось быть птицей, чтобы вспорхнуть на гибкий прут и покачаться. Посмотреть на лесной мир птичьими глазами. Я шёл к дому и представлял, как рябчик после утренней или вечерней кормёжки прилетает на свою любимую ветку, часто-часто переступает по ней своими миниатюрными ножками, устраивается поудобнее и замирает. Представлялось: птица обаятельно сидит грудкой к зарастающей поляне, чтобы видеть больше неба и горизонта, так не достающих в её глухоманной жизни. Я не представлял рябчика нахохленным, как не думал о его гордой и величавой позе. Рябчик восседал по лесному просто и... державно. Красиво.

Что же он делал на своём пруте, кроме как опорожнять желудок? Конечно же, своим тонким серебряным свистом переговаривался с соседями, предостерегал случайного соперника от поползновений на занятый уголок леса, давал знать о себе подруге. А ещё? Любовался своим лесом? Сторожил его? А может... может, думал? Не зря же из тысяч тысяч веток изо дня в день прилетал на ту самую. У нас, людей, тоже есть свой любимый диванчик, креслице, скамеечка в саду, табуретка на кухне наконец, не только для отдыха, но и для дум-мечтаний.

Я шёл к дому и уже нисколько не досадовал почему-то, что так бездарно упустил того петушка. Наоборот, в груди теплело, когда представлял этого рябчика на лесном посту, в дозоре. Я знал, что лесная застава на другой день для меня будет снова открыта.

РУБЦОВСКИЕ «ЧТЕНИЯ»

В Вологде в сентябре проходят ежегодные фестивали поэзии, исполнителей песен, посвящённые творчеству поэта Николая Михайловича Рубцова (1936–1971).

* Пищик – манок на рябчика.

В селе Никольском, где жил в детдоме и учился в школе Коля Рубцов, проходят Рубцовские чтения.

* * *

Сердце охотника трепыхнулось и куда-то юркнуло, нырнуло в дальний уголок, словно пичуга под куст от налетевшего ястребка. Выбегающая из-за поворота торопливая речная струя, постепенно успокаивающаяся ближе к плёсу, несла на своей поверхности белоснежную, видимо северную, перелётную утку. А охотник торчал на совершенно открытой береговой луговине с таким чувством, будто его голого застigli лица противоположного пола.

Надо бы укрыться, но поздно, да и некуда. Одна надежда на неподвижность и невзрачную цветом охотничью одежку. Могли выдать чёрные сапоги до колена, но их скрывала некое наволока...

В эту осень охотник для знакомого и близкого, как лучший друг, леса, для местной речки, для родной деревни с медленно, но верно затухающей человеческой жизнью, для всей этой малой и милой родины был эмигрантом. Этот «ярлык» охотник приклеил себе сегодня, когда бродил старыми, всеми забытыми и с трудом уже находимыми дорогами, ложбинами ручьёв и просеками в поисках рябчиков. Подспудно лелеялась мечта о вовремя замеченном белеющем зайчике или глухарике... нет, – глухарище! – на сосне. На что ещё можно было надеяться бессобащнику?

Впрочем, охотник и не стремился добыть любыми путями побольше дичи. Ему бы только всколыхнуть, окрылить одним-разъединственным метким выстрелом душу, развернуть её, словно гармошку, во всю длину мехов. При всём при этом охотник отлично знал по прошлому опыту, особенно опыту последних пожилых лет, как та же душа свернётся обратно в жалостливый страдальческий комок, занимая место кратковременной эйфории. Охота, как наиболее правдивое и яркое проявление жизни, самым обострённым образом даёт понять всю противоречивость бытия.

«...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую».

Охотнику надо было немного, и в этом была его сила. Он не тянулся к должностям, деньгам, машинам, осознавая всю никчемность этих вещей. В отличие от тех, чья сила была прямо противоположной: в обладании многими дорогими «игрушками» или властью. Была мечта завести новое, красивое и ронкое* ружьё и даже карабин. Ушли и эти охотничьи мечты, сгорели, оставив

лишь пепелок грустинки. Теперь ему было достаточно старенькой «ижевки». И он теперь понимал, в чём заключается сила отшельников, которым кроме веры и молитвы почти ничего не нужно. Жестокость и несправедливость человеческой жизни в любое время может отнять всякое имущество... Веру и молитву – только с жизнью.

Сам охотник всё же был далёк от аскетизма и не стремился быть сильным, чтобы абсолютно выбраться из плена желаний и греховного бытия. Некоторые его устремления были честолюбивы, а значит, греховны, но он позволял себе оставаться слабым. Пока позволял.

Сегодня охотник в полной мере впитывал радость от общения с родным лесом. Малая родина не отстояла от него за тридевять земель, не была за морями-океанами и не закрывалась «железным занавесом». Всего-то «полтинник» вёрст, правда, в некоторые месяцы, на стыке сезонов, – непроезжих. Добровольный «плен» новых привязанностей и обязательств разлучал его с прошлой жизнью. Его ещё не забыли здесь и с надрывом ждали там. Пнёвая труха прежних отношений отталкивала, а каповый нарост на молодом и здоровом стволе любви препятствовал встречам с милой, родной стороной. Встречи с ней имели каникулярный характер: редко, мало и скоро.

И вот встреча – поздние октябрьская, запоздалая и грустная. Грустная и печальная не от времени года: осень – распрекрасное время для охотника. Невесёлые раздумья наводила прицепившаяся строка Николая Рубцова: «...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую». Зачем написано? Зачем прочитано? Охотник брёл куда-то лесами своей прежней жизни, меланхолично подзывал в пищик рябчиков и размышлял о своём предательстве к красоте родного уголка. Он чувствовал себя грешником, изменившим своей вере и поэтому – слабым.

...Речной стрежень прижался к противоположному берегу, и утка заплыла за травянистый мысок, предоставив охотнику свободу действий. Рябчинные номера вон! Патронники алчно заглотили патроны с «двойкой», и с поддержкой пальцами спусков бесшумно захлопнулись стволы. Теперь наклониться... нет-нет, ещё ниже! На колени и вперёд! По ложбинке и как можно ближе к заводишке, укрывшей дичь...

Когда охотник подполз, выставил шею, словно перископ, и глянул на речку, его взгляду представили три белых, как будто из пенопласта, комка пе-

* Ронкое – убойное, обладающее резким (сердитым) боем.

ны. Им, по своей легковесности, не дано было вырваться из прибрежного водоворотика. «Уток», похожих (очень похожих!) на гоголей, рождал шумевший выше пережат.

Охотник встал и смущённо глянул налево и направо. При существующем безлюдье никто не мог быть свидетелем его оплошки. Подобные ляпы-казусы случались и раньше, ещё по юношеской горячности. Но бывало и наоборот: живые, трепетные, с горячей кровью птицы принимались за холодные пенные шапки, и тогда охотнику оставалось лишь корить да костерить себя. Не лишней бывает перестраховка для охотника, так же как для сапёра, подводника, шахтёра, строителя...

«...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую».

Охотник шёл на вечеру к деревне, а рубцовская фраза продолжала оставаться с ним. Его «эмигрантство» давно повисло «клочьями» на суках лесных чащоб. Он не был чужд ни оставшемуся за спиной лесу, ни «быстрой, каменистой» речке, подшутившей сегодня над ним. На эту пору речка отпустила своих и проводила временно гостивших северянок туда, где тепло и кормно. Жило, одним словом. Охотник не был перелётной «птицей». Он не изменил и не сбежал из лесов своей памяти, а просто вырвался, разорвал путы ставшей мелочной, ущербной и убогой жизни. Раздвинул прутья жизненной «клетки», где поселились ложь и обман. Красота лесного мира осталась с ним. Осталась в воспоминаниях и регулярно будет пополняться щедрыми порциями с каждым походом в лес. На охоту. На рыбалку. За грибами, ягодами. Будут экскурсии за красотой, и будут попытки рассказать о ней другим людям.

Эти мысли пришли охотнику в голову уже на горке, приютившей деревню и приближающей огоньки окон к небесным звёздам. Он оглянулся на черноту ночи, в которой уже невозможно было разглядеть контуры леса. Тогда он заглянул в свою душу. В ней не было утренней черноты от присвоенного себе статуса изменщика и перебежчика. Рассеялась она, словно дымок, вылетевший из ствола после выстрела. Да и выстрел-то был не дымным порошком, а бездымгой.

У охотника из кармашка рюкзака одиноким скромным веерочком торчал хвостик рябчика. Это была его единственная добыча. Но ни с каким самым добычливым выстрелом нельзя было сравнить чувство душевного примирения и успокоения. «Чтение» Рубцова закончилось. Утром автобус вновь отодвинет родной лесной окоём на полсотни вёрст. Отодвинет, но не отберёт. Охот-

ник знал теперь это наверняка. На стремнину его бытия по реке времени выплыла «уточка». К ней, живой и желанной, созданной отнюдь не из пустой пены, а из женского обаяния, увезёт охотник хранимую в душе красоту.

ЗА ВИТАМИНОМ «С»

Выбрались мы как-то в сентябре за брусничкой. На гостевой «Ниве» объездными дорогами и дорожками значительно сократили ножной путь. Оставили вездеход на дальнем краю поля.

За полем и окаймляющей его узкой полоской колхозного леса начиналось нечто хаотичное. Нет, никак не привыкнуть к тому, что этот кавардак в виде обломков деревьев, пней, молитвенно протянутых к небу корневищ, перемешанной земли существует там, где ещё недавно была тайга и где тропили куниц в дремучих ельниках, обрезая след узенькими визирками. Но именно здесь на «концентрированно» освещённых пространствах (вырубках) через год-другой после рубки разрастается кустарничек с кожистыми листьями и с гроздьями ярко-красных или вишнёво-красных ягод по осени.

Ходьба по современным вырубкам – испытание разве что для десантников. Просто прогонять солдат через леспромхозовские рубки вместо полосы препятствий. (Современная «стрижка» лесов частниками с помощью комплексов оставляет, пожалуй, ещё более худшие следы...) Приходится выбирать обходной путь и идти «лежнёвкой». На такую деревянную дорогу в две колеи под колёса лесовозов уходит около 600 кубометров древесины на километр пути. В конце «лежнёвка» (ус) выводит на магистраль, поднятую бульдозерами и отсыпанную песком и гравием насыпь. На ней аккуратно, по линейке уложены бетонные плиты, опять же в две колеи. Стрелой рассекает эта шикарная дорога неохватные глазом рубки с кое-где сохранившимися колками корявых соснячков по болоту или таких же переувлажнённых, а значит, низкотоварных ельничков. Синяя дымка скрывает один конец бетонки, ведущий к «преобразователям лика земли», другой тянется в никуда.

Какое-то время, отбивая пятки, шагаем по плитам. В лужах-озеринках за обочинами трассы качает тёмно-бурыми головками вездесущий рогоз, обильно плавают утиный пух. Совсем неожиданно видим перед собой на дороге угольно-чёрных глухарей-мошников. Один взлетает и усаживается неподалёку на низенькую ель. По инерции продолжаем идти – другая птица остаётся на до-

роге. Остановились шагах в пятнадцать – сидит. Вернее, стоит на ж/б плите, покинув кипрейную обочину. Не вечно же длиться противостоянию, и пятеро ягодников сживают птицу с места, заставляют подняться на крыло. Привлекает птиц дорога с отличным искусственным «галечником», созданным строителями-дорожниками. На душе светлеет и теплеет. Может, не так уж всё плохо: много ягод для птицы и защитные условия имеются на зарастающих вырубках, камешки для желудка опять же – глотать не переглотать.

Но вот и искомая ягодная вырубка, березнячком да осинничком зарастающая. Есть, есть и ёлочки, сосёночки. Что-то сохранилось после утюжки гусеницами железных «мастодонтов» лесозаготовителей, что-то растёт посаженное или посеянное руками лесников. Будет лес, не такой хвойный, наверное, не настоящий уже, «вторичный», через символические сто лет... Но будет же!

После третьей зобенки аукаемся, сзывая общий сбор. Кипятится чаёк в лёгком походном котелочке, одиноличная снедь вываливается на общую газету. Самый бывалый достаёт с немой значительностью «Русскую», и кружка благодарно обходит круг дважды. Выпиваем за лесников, за новые леса. Как раз третье воскресенье сентября оказалось – День работников леса! Малость от тоста отделяем лесорубам. На их «ниве» брусника-то выросла. Течёт умная беседа с поражающе глубоким проникновением в любую проблему, с упоительным самолюбованием людей, удачно устроившихся в жизни. Философски помалкиваю, слушая этот трёп интеллигентов, расслабившихся на лоне природы. Вся их прорвавшаяся добродетель, поражающая сейчас самих хозяев, облетит как осенний лист под порывом ветра по ту сторону «бетонки».

*...Терпеть не могу
Разговоров на общие темы
Среди молодых,
Но уже разжиревших людей!..*

Н. М. Рубцов

Но пора и дело продолжать. Обеденный стан пустеет. Примеченные каждым ягодные уголки манят к себе. Денёк хотя и серенький, но не холодный. Комар уже отошёл. Любо не только ягоду брать, но и находиться пусть и на исковерканной людьми земле. В конце концов, все леса планеты представляют собой в той или иной мере сплошную вырубку. А жизнь, переходя в другие формы, продолжается. Хочется продлить выросшую в душе благодать.

Барабанную дробь и заунывное «ки-а-а» чёрной желны сменили многоголосие разных куликов и утиное кряканье. Никак не можешь примириться, свыкнуться с такими глубокими переменами в охотничьих угодьях. Подорваны условия обитания куницы, рыси, белки, глухаря, рябчика. Приходилось наблюдать, как вспугнутый глухарь не сумел одолеть враз вырубного пространства и присел на чудом сохранившуюся сосенку в жердину толщиной для отдыха, с трудом пристроившись на тонких веточках. Повырублены, потревожены многие тока, так что весеннюю песню приходится глухарям справлять на пнях.

Но птица всё же есть. Вон и рябчики посвистывают на опушке недоруба. Вот белке теперь одно остаётся: жить в «колхозных» лесах, ещё на корню остающихся. Не будет уж теперь беличьего «урожая», как, к примеру, ещё в 1960-70-е годы. До тридцати зверьков добывали охотники за день! Нынче такое количество – дай бог сезонная норма. (К настоящему времени эта пушнина и вовсе перестала котироваться.) Для куницы мышшей на вырубках плодится множество. Лосям и зайцам корма вдоволь. Многочисленные следы, кучи «орешков», измочаленные кусты ивняка (время гона) говорят сами за себя.

Медведь. Ну, тому неизвестно, что лучше. Глухие ельники или чуть ли не ежегодный обильный урожай ягод? И то, и другое нужно бы, но когда живёшь рядом с людьми, такого не получишь.

Тетерева на вырубках больше развелось, чем в полях. «А уток, болотной птицы, сколько обитает на месте бывшей тайги!» – возвращается мысль к перелётной дичи. Вёрткие, стремительные в полёте бекасы с каждой мочажинки по одному-два срываются. Впору охотнику-лаечнику заводить легавую или спаниеля.

О звере и птице крутится в голове дебет-кредит, а руки привычно сбрасывают гроздь ягод в берестяную набирушку. О том, что рубить можно бы не с таким расточительным советским размахом (и с современным капиталистическим тоже!), лесосеки прибирать по-хозяйски и получать двойную и тройную кубатуру (вспомним, как приращивают японцы пресловутый один процент выхода продукции; всё до коры используют!). Об этом и другом негативном уже не хочется думать. Что свершилось – не вернётся. Пока же экономическая разруха (напомним: был конец 1990-х) даёт передышку природе, и острый глаз охотника, рыбака с глубокой радостью примечает приросшую стайку тетеревов и рачка в речке.

На обратном бетонном пути вновь поднимаем с дороги двойку глухарей, видимо, ту же самую.

Один сел несколько в глубине чахлого ельничка, а другой проводил нас острым птичьим взглядом с ёлки, отстоявшей в глубь вырубки от насыпи всего на 3-4 метра. Увы, не часто теперь увидишь такую картину. Ведь не Эвенкия же! Не сторона непуганых птиц.

Вот так довольно неожиданно мои компаньоны помимо ягод унесли с собой и образ глухаря, особенно рельефно смотревшегося сидящим на макушке ели. Я же посоветовал мысленно этой доверчивой птице как можно реже появляться на дороге и улетать во все крылья, услышав или увидев всё, относящееся к человеку.

ЧУЖИЕ

Когда желание вырваться в лес дошло до покалывания и какой-то ломоты в теле, ломоты не болезненной, а истомной и приятной – подобная охватывает все члены в доброй баньке; когда душа затосковала по цвелым зайчишкам и мелодичным руладам рябчиков, как, бывает, томится в предвкушении весёлого праздника в дружеской компании с богатым застольем после длительного срока постной жизни, бросил все дела и ушёл на охоту. Ушёл, невзирая на боль в спине и ногах, не обращая внимания на снежные переносы, которые периодически накрывали большими липкими ляпухами деревню, поле, лес. Не охотник выбирает погоду, а она его. Устремился в лес с одержимостью алкаша к дармовой выпивке, наркомана к дозе, шахтёра к душе. Окунулся в лес, как ребятя в жаркий летний полдень спешит к речке, на ходу скидывая рубашонки, чтобы поскорее нырнуть в парную воду.

Густой снег налетал с частотой телевизионной рекламы. Но накрывшую землю белую скатёрку тут же сдёргивало освободившееся от тучки солнце. В таких случаях говорят: «Как корова языком слизнула!» Тогда рука тянулась к рябчиковому пищику, а глаза зыркали по сторонам в поисках беленького заячьего бочка.

Обрадевшая лесу и охоте душа безмятежно тащила охотника с угора на угор, из одного перелеска в другой. Всюду хотелось пройти, везде заглянуть, и не обязательно из-за дичи. Если лес куда-то звал, то не отказывался и тут же сворачивал в сторону. Так же резко, как стыкуются под острыми углами стороны-катеты в треугольнике. Главным был путь, а не цель. Я был в лесу один, не считая ружья, и нам везде было хорошо и радостно. Если хочется обойти весь лес, то не всё ли равно, куда направлять свои шаги?

Мало-помалу затянулся в лесную даль и вышел на памятную дорогу. Когда-то по ней пыли-

ли автомобили. Из открытого на берегу лесной речки месторождения извести возили на наши «кислые» поля эту необходимую для повышения урожайности «присыпку». Мы, ребята, напращивались к шоферам покататься. Помнится, как мой «шеф» напевал незамысловатую песенку: «Я трясусь, ты трясешься, оба мы трясемся...» Дорога в то время была широкая и пыльная. Теперь это скорее тропа. Лесные заросли уже сомкнулись над дорогой и вот-вот затянут её по полу. Ольхи в приветственных поклонах коромыслами склонились с одной стороны на другую, образуя над бывшим лесным трактом арочный свод. Рябчинные места!

Тоннель тропы впустил и потащил блаженного охотника вдаль, как будто идущий был железной крупинкой, а впереди лежала магнитная подкова. На второе или третье прикладывание манка к губам откликнулся петушок и тут же задорно порхнул на дугу-ольшанину. Бронзовая мушка в непреклонном движении последовала за птицей... К благодной встрече с лесом добавилась дичь. Не беда, что добыча скромна. Ещё не вечер! Да и много ли надо одинокому пожилому охотнику?! Пора было сворачивать с доброй для охотника дороги, да память опять отвлекла, потащила дальше и дальше. Страстно захотелось взглянуть ещё на одно место.

В неустанную пору охотничьей юности лесные круги нарезались широко. Это сейчас их можно сравнить в масштабе с корпусом ручных часов, а тогда они были с циферблат часов башенных. Как-то ещё с утра, в начале своего охотничьего круга, наткнулся на лосинный рог. Пять ли, семь ли отростков – не помню, но то, что находка была увесистой, – это точно. Привязал лесной подарок дежурной верёвочкой к котомке и таскал этот неудобный, разлапистый груз на себе почти весь день. Потом всё-таки не выдержал: недалеко от дороги, на приметном для себя месте, решил избавиться от изрядно надоевшей поклажи. Там дружно росли из одного корня три молодые ольхи, и лёг в их развилку рог как влитой. Это была та самая дорога.

Часто бывал потом у трёх ольх, но всё оставлял и оставлял рожище под охраной леса. До следующего раза. Но известно: отложенное дело грозит быть незаконченным никогда. Осталась лосиная «лопата» зимовать затиснутой в коленях сестриц-олишек. Ольха растёт быстро, на глазах. Следующим летом стволы пополнили и уже нешуточно защемили рог. По его коричневой поверхности прошлись чьи-то зубки. Мышки, наверное, а может, и зайчик попробовал рог на зубок.

Не стал я губить железом ольховую тройню и свою трофейную находку оставил в покое.

Год за годом рог всё больше вращался в древесину, одновременно истончаясь сам от работы зубастых грызунов. Моё паломничество сюда постоянно продолжалось. Иногда охотничьи, рыбацкие или грибные устремления подводили как бы случайно, а когда специально не ленился загнать крюк. При случае показывал породнившийся с ольхами рог друзьям-охотникам, и мы ударялись в воспоминания о былых охотах и разных случаях.

Прошло... Много прошло лет, не будем считать. Зигзаг памяти вновь привёл меня к этому месту. Но что это? Ещё на подходе обострённый лесом нюх подсказал: тут люди. Пахло гарью явно охотничьего костра. Неохотникам здесь не было никакого дела. Своих деревенских любителей леса, ружья и собачки можно пересчитать по пальцам одной руки, и ещё мизинец останется. Вроде бы сегодня все дома сидят... Чужие, выходит?

Настороженно подошёл к огромному кострищу с разбросанными вокруг конфетными обёртками и прочим мусором. Охотник-одиночка таких огнищ не устраивает, его площадка под костерок занимает не более двух ладоней. Людей у пепелища уже не было, но головёшки ещё чадил. Грубый след чужаков отозвался на сердце ревнивой ноющей болью.

Постоял у этого чёрного пятна на земле, осмотрелся и обомлел. Ведь это – то самое место, и точно на него вывела память, словно добросовестный поводёр слепого. Вот здесь росли ольхи с подаренным им рогом... Теперь же кругом неприглядные следы чужих охотников и вповалку лежащие стволы-трупы отживших свой срок ольх. Как признаешь среди этих древесных обломков свои, памятные? А может, они превратились в золу и дым на костре чужаков?

Развернулся и потащился дорогой к дому. В тело вернулась забытая боль. Уже никуда не хотелось привернуть, не хотелось обманывать доверчивых рябков искусственным свистом. Одного за другим спугнул с брусничника трёх глухарей. Можно было ударить влёт, можно попробовать скрасть... Даже не снимал ружьё с плеча.

Росой на горячем солнце испарилась радость от встречи с лесом, снежной крупой засыпало охотничью страсть. Душа опустела, как будто всё в ней выжгло тем костром. Плыл по течению лёгонькой беззаботной щепкой, да закрутил-увлёк водоворот; парил по воздуху бездумной сентябрьской паутинкой, да растрепал злой порыв ветра; расцвёл бутонем ярким на фруктовом де-

реве, да завял от неожиданного заморозка. Не осталось ни дум, ни азарта, ни желаний. Но не было и обиды со злостью. Только холод, оцепенение и пустота.

Всё проходит, всё мимолётно. Ни дерево, ни кость, ни человек – не вечны. Когда-то твою охотничью тропу всё равно займут другие. Чужие будут жечь костры в твоих лесах. Умом это понимаешь, а сердце не принимает. Но одно узнал я в тот раз точно: понял, когда, как и почему стареют люди.

О СНЕГЕ

Я шёл по бору. Сосны были в снежной кипени от первого обильного снегопада. Природа приобретала обычный в моей точке бытия и для большего времени года вид. Вид зимы, снега, холода, оцепенения. И тут слышались гусиные крики...

«Опять домашние гусаки орут», – подумалось. Их гвалт, бывало, уже не раз скребочком для выделки пушных шкур карябал охотничью душу. Спящую душу. Осень шла своим чередом, своей ускоренной поступью, как и всё время бытия после пятидесяти осеней, а я не встревожил – не взбудил лес ни одним выстрелом. Жизненный выбор расходился лучами просек, и предстояло идти нехоженой визирой. Ружьё от этих метаний оставалось полузабытым и томилось в стальных застенках. А голоса сверху, именно откуда-то с неба, были чисты, звучны и зовущи. Они заставляли самых простых обывателей «ломать» шею и подставлять свои лики встреч колким снежинам.

Ну, может быть, кроме тех, кто тянулся за выпивкой, будучи с похмелья. Похмельный «стаж» в несколько дней суживает круг интересов до одного-единственного – стопки. Это, конечно же, были не домашние, с хрипотцой, знающие только староречину и крытый сарай гуси, а дикари, вольные птицы. Я высмотрел их между сосновых крон, покрытых кухтой. Два небольших низколетящих косяка гусей прощально подавали голоса и тянули в ту сторону, куда предстояло отъехать мне самому вечерней порой. На юго-запад.

Прощались мы тяжело. Я знал, что моя поездка ей не по душе. Я спросил: «Ты будешь ждать?» В ответ получил молчание оцепеневшего, холодного предзимнего неба, которое мело да мело и уже не в состоянии выдавить на землю ни снежинки. Мороз, холод, отчуждение.

И вот голоса! Гусиные... Не прощальные, нет! Они говорили просто «до свидания». До свида-

ния, Север, до свидания, Тарнога, до свидания маленький человек в чёрной курточке с бледным лицом, задранном к небу. Моя душа рванулась было в полёт, туда, где вольно, просторно, широко, необъятно. Рванулась к вечности и тут же обмякла и вернулась под курточку. Наверное, не потому, что там теплее, а потому... потому... Да потому, что земной путь – мелкий, скромный, незаметный, пустячный, иногда нескромный (да хоть какой!) – ещё не закончен. Гуси, гуси! Я с вами! Но пока мыслями. Я уеду. И я вернусь. И гуси прилетят, не спрашивая, ждёт ли их Север, приветит ли Весна. Она их верно и встретит, и накормит, и солнышком обласкает, и озарит «белыми ночами».

Я шёл бором и любовался первою кухтой на деревьях. Я знал, что она будет намерзать и оттаивать, копиться на хвойных лапах весомыми грудками и опускаться под ветром оренбургскими пуховыми платками к подножию деревьев.

Я многое знал про снег. Про холодный, чужой, смертельный, враждебный теплолюбивому телу. Я знал его под сапогами, валенками и лыжами; за воротником и в стволах ружья; под гусеницами трактора и в шапках-«мономахах» на копнах сена и ёлках... Мало ли ещё где и как! От этого знания мне хотелось иногда пожить в бунгало и любоваться снегом на вершине Килиманджаро, допустим. В то утро мы не сошлись во мнении о снеге. Она ему радовалась, а я... я уезжал.

И я помнил «долгоиграющий» леденец зимы, который «сосёшь» целых полгода. Но как бы резко не сказал о снеге, хочу, чтобы он ещё сиял в моих глазах, живых глазах, сыпался на плечи с ёлок на просеке и с неба своей родины. Всё хочется повторить ещё раз. Лыжи пока наострены.

Я уеду. Но вернусь. И мы о многом ещё поговорим и многое вспомним. Я расскажу ей о снеге, о своих бывших зимах. Мы будем говорить о холоде, а в наших глазах залучится весна и в душах прорастут прекрасные бутоны цветов. Ведь они зацветут на самой благодатной и питательной почве – на любви. По крайней мере, на одной грядке, на мужской. Уверен, наше отчуждение кратко, как северная белая ночь. Мою обиду уже унесли гуси, покидающие заснеженный наш край. Снежный и холодный, но до щемящего гусиного крика родной и любимый.

А на зелёных склонах Килиманджаро я бы выдержал ещё меньше, чем гуси на зимовке. Не удержала бы меня и знаменитая «африканская пятёрка» – лев, леопард, носорог, слон, буйвол. В наших снегах живёт своя великолепная «пятёрка»: лось, кабан, медведь, волк, рысь. И на лыжах за ними, на лыжах! По снегам своей родины.

З И М А

МАЛИКИ

* * *

Как только мало-мальски развиднелось, охотники сворачивают с санной дороги на визиру. Теперь предстоит месить снег то по этой лесной ниточке, то по более широкой полоске, пересекающей ельник, – просеке. Квартал за кварталом вспарывать лыжнёй снежную перину в глущем желании пересечь желанный след. «Перехватить», – говорят звероловы. Да желательно найти следки «тёплые», «горячие», «потные»! Хорошо помогает в этом лёгкая порошка, подновившая ночью снежную целину. Утренний нарыск зверька самый свежий. Вот и зыркают следопыты жадно поперёд лыжных носков и по сторонам...

Как истовый охотник, который загодя, за месяц или два, начинает готовиться к сезону, я тоже вынужден подступиться издали. Захотелось рассказать одну малюсенькую историю, а оказалось, что без вступления с объяснением ничего не получится. Как не может быть охоты без лыж в нашем зимнем лесу.

В жизни часто встречаются откровения. Ни опыт, ни знания не могут дать поручительства и не оградят от узнавания чего-либо нового. Познание – процесс длинной в жизнь. Идешь летом по лесу, заберёшься иногда в такую неудобь, где, как говорится, нога человека не ступала, и вздрагиваешь от трескучего, горячего всплеска крыльев черныша. Не думал, не гадал, что тете-

рев найдёт себе здесь убежище для линьки. Как спички в дождливую погоду, засовывать надо своё всезнайство куда подальше. Народная мудрость опять же тут как тут: «Век живи – век учись». Наша речь пойдёт всего-то об охотничьем понятии. О слове.

Живущий южнее столицы охотник, наверное, не задумываясь свяжет слово «малик» с заячьим следом. На моей родине не совсем так, даже совсем не так. Но коли автор «забрёл» в кружанину заячьих следов-маликов, то пройди с ним, читатель, петельку-другую.

Составители охотничьих словарей почти единодушны в определении «малика»: «след зайца на снегу» (Марков, Холостов); «неторопливый след зайца на снегу на жировку или лёжку» (Реймерс); «След молодого зайца на снегу или сыром песке, – заявляет Касаткин и добавляет: – Но в большинстве своём теперь всякий заячий след называют «маликами».

У составительницы справочника «Особенности русской охоты» Т. Крыловой «малик» – «след зайца, преимущественно русака». Великий словолуб Даль к этому понятию в своё время прибавил «лыжный след».

Самое же полновесное определение имеется в «Настольной книге охотника-спортсмена»: «Малик» – след прибылого зайца позднего помёта, происходит от слова «малый»; зайцы старшего поколения оставляют просто «следы», хотя часто их тоже называют «маликами».

Ну вот, вроде бы сдвойки, скидки и петли закончились, и авторская строка-след ведёт к «лёжке». Цель повествования близка. Эти словарные выдержки приведены не для словесного балласта. Именно они для меня были в своё время откровением, потому что у наших охотников «малик» – это старый след куницы. Ночные свежие отпечатки – следы или следки; старый след, подмёрзший или запорошенный снежком, – «малик». К зайцам и другим зверькам это слово мои земляки-охотники никогда не цепляли.

...Лес выстыл, словно горница в нежилой летней избе в крещенскую стужу. Идут двое. Тот, что повыше, топчет лыжню и зорко оглядывает снежную целину. Второй – охотничье подмастерье – суетливо шаркает самодельными лыжами-голицами по готовой лыжнице. Отстанешь – не возмут больше за куницей. Он со старательностью ученика на уроке чистописания обшаривает взглядом чистую после пороши лесную страницу, тайне надеясь первым узреть волнующую двухчётку куньего следа.

Внезапно охотники останавливаются. Старший

молча тычет рукавицей на пересекший просеку след куницы.

– Малик, – говорит он и нетерпеливо переступает лыжами.

Младший недоумевает: столько снегу перемяли, след встретили, наконец-то, и уходить?! Он спрашивает:

– Чего мы по следам не пошли? Шкурка у малика дешевле, что ли?

Старший товарищ хохочет:

– Нет, не дешевле. А вот ногам точно будет дороже.

Охотникам встретился давнишний след куницы. Естественно, хозяйка этого «малика» была уже неведомо где, и тропить куничку было бесполезно. Ведь и по свежему следу не всегда за световой день зверька изойдёшь.

Надо простить охотника-школяра, что слово «малик» принял за некий подвид куницы. Не одни лыжи истёр он потом в лесных вылазках за желанной зверюшкой и столько книжек по биологии да охоте изучил, что впору учёную степень присуждать. Не судите и вы, читатель, строго за наши куньи малики, а не общепринятые – заячьи.

Осмелюсь предположить: найдётся и в наш «просвещённый век» немало народу, который убеждён, что Земля не колобок, а блин. Ну и пусть. Важнее другое – лишь бы на Земле на этой всегда отпечатывались звериные следы. И охотничьи лыжницы за ними!

СМАК ПО-ОХОТНИЧЬИ

«О вкусах не спорят», – утверждает всем известная мудрость. А мы и не будем. Конечно же, у каждого свой смак. Просто расскажем об одном блюде – простом, незатейливом и мудром.

Состав: брусочек сала, сухари ржаные, соль. Вода в виде снега.

Приготовление: сало измельчается, складывается с сухарями в котелок и ставится на огонь. Готовность определяется по ложке: не должна заваливаться в котелке. Блюдо сие именуется вовсе незамысловато – сухарница.

Великий знаток русского языка В. Даль её, видимо, не пробовал. Сухарник – яичница с сухарями в его известном словаре есть, а сухарница как блюдо не представлена. Не возбраняется добавлять в сухарницу мясо, колбасу, крупу любую, специи и так далее. Это если «места хватит в рюкзаке». Сам автор изволил поедать её в самом что ни на есть простом варианте.

А теперь о главном секрете этого блюда, чтобы

оно пришлось по вкусу. Рекомендуются «добавить» доброго товарища, двух-трёх лаек-остроушек, зимний глухой лес, забитый снегом, морозец можно до -30 градусов, двоеточия куньего нарыска перед носками широких лыж чуть ли не с утра и за полдень... Щедро «досыплем» быструю, горячую, потную, безумную работу в глубоком снегу вокруг лесного завала. Туда, в глубину древесного залама, нырнули следы желанного зверька. Орудия труда – лыжи вместо лопат и, конечно, топоры. Ружья сиротливо прижались где-то к стволам елей... «По-перчим» азартом собачек, когда добыча ими вплотную причуана и они грызут корни, мечут лапами из снежной ямы наверх мох, землю и гнилухи. И вот рука в варежке взмётывает вверх живую, тёплую извивающуюся куницу... «Подсолим» долгой лыжнёй в целик к холодной, промозглой избушке, что замаячит тёмным пятном только в самой близи. То ли жильё? То ли очередной выскорь? Потому как засу-мерничало ещё там, у того лесного завала...

Теперь дрова, печка, и наконец-то можно взяться за ложки и смаковать. Котелок в минуту очистится так, что нечего будет долизывать собаке. Запивается сахарница у всего лесного люда крепким горячим чаем. Остаётся благодушно раскинуться на нарах в истомном жаре прогревающейся избушки.

Но нечего долго расписывать. Блюдо лучше раз попробовать, чем сто раз про него читать. И ещё. «Потчевать можно, неволишь – грех».

ТРИ ЕЛИ НА «НОМЕРЕ»

Лес как лес – ели да сосны. Не самый высокий и ещё не совсем «взрослый». Если дотянет он до сотни лет, тут же будет повален. Этот ещё не тронут.

Стою «номером» на узкой прогалузинке: то ли бывшая сенокосная чистина, то ли болотина, червячком «вгрызшаяся» в тело лесного отъёма. Рядом – лунки старого кабаньего следа, и есть скудная надежда, что стронутый зверь воспользуется этим переходом. Охотник – вековечный юноша, надеждой питается.

Эта охота на кабана состоялась как-то неожиданно, скоропалительно. Ребята заехали уже во второй половине дня. Сезон охоты на копытных подходил к концу, и тающим на пригорке снегом под апрельским солнцем улетучивались надежды на удачную охоту. Фраза «кабаны в окладе!» заставила собраться-скрутиться за несколько минут, как на пожар к соседу. И вот я стою на стрелковой линии и пытаюсь взглядом зацепиться за что-нибудь интересное.

Слух развлечь абсолютно нечем. Не пролетела, не пискнула ни одна зимующая пичуга. Весь лес укутан снежной ватой. Загонщики с парой лаек только показали спины, как все звуки исчезли: ни шороха лыж, ни треска сломанного сучка. Глухо, как, наверное, может быть только в морской пучине, в космосе и, само собой, в последнем вечном «прибежище» человека. Потом оказалось: никто на номерах не слышал ни собачьего лая, ни выстрелов.

Глаза скучают в лесной зимней сказке. Ведь парижанин или петербуржец так же равнодушно взирают на свои архитектурные чудеса. Они их видят постоянно... Обыкновенные сосны, заурядные ёлки, хмурое небо, сугробы, уходящий день... Даже не день. Утро с вечером размахнули свои длинные серые крылья и соприкоснулись ими в полдень. В это время года они были союзниками ночи, а не света. Ничто не очаровывает. Нет, зимний лес не приелся, не надоел, не потускнел в глазах его верного почитателя. Просто огромный запас этого очарования заложен в тайники души и хранится там, словно дорогие для памяти сувениры в сундуке. Никто же не ворошит то и дело добротнo уложенные вещи. Любуются и восторгаются чем-то новым, необычным.

Я уж думал – ничего не будет. Но тут как будто резец прошёлся по глазам: передо мной не далее двадцати накатных лыжных шагов, немного в сторонке от стены леса, росли три ели. Три рядком стоящие обычные ели... вовсе не из тех новогодних красавиц, что водружают на городских площадях. Были они, правда, высокие и стройные, но не очень густые и раскидистые. Они выглядели узкобёдрыми и узкоплечими, как современные манекенщицы. Средняя ель держалась очень прямо и своим шпилем-макушкой упиралась в сгущающийся сумрак предвечерья, который был одним целым с небом. Две её подружки слегка согнули свои талии в изящном реверансе. Одна отклонилась вправо, другая влево. Поклоны их под тяжестью кухты были удивительно симметричны. Не оцепенение и покорность холодам и снегам были в их позах, а ожидание. Так балерины, танцующие маленьких лебедей, замирают в ожидании музыки. Деревья знали, что будет солнце, тёплый ветер и птицы... природа вновь взмахнёт своей дирижёрской палочкой, и заиграет весна. В который раз позавидовал художникам. Был бы им, обязательно достал карандаш и прямо на бланке лицензии зарисовал эту грациозную картинку.

Потом было всё: хорошая работа лаек, удачные выстрелы, разделка кабаньей туши, ночной кос-

тёр в ожидании снегохода... Была луна, однако в густой чаще свет от неё мало помог лыжникам, выпутывающимся из леса... Но если бы ничего этого не было, «сгорела» зазря лицензия, в памяти навсегда остались бы три номерные ели. В этот выход в лес мне удалось «подобрать» очередной подарок от природы.

ТОПОР И СЛОВО

В небольшой дощатой будке шумно и тесно от многолюдья и дымно от курителей. Хоть топор вешай! Мужики к полудню один за другим выходили из делянки, где заготавливали дровишки. Пришло время перекусить, подсушить рукавицы-однорядки у железной печурки. После трудов праведных не грех пропустить и по стопке, у кого имелось. В лесу, да с устатку, да в компании... Эх, как к сердцу!

Разговоры велись разные. От политики и невестёлого колхозного житья-бытья перешли на женскую тему и естественным образом скатились к анекдотам. Большинство из собравшихся – охотники. По крайней мере, у всех когда-то в избах на матицах* висело на гвоздиках по стволу, а то и два. До достопамятного указа о регистрации оружия, конечно. Теперь уж, пожалуй, эта картинка в самое детство укатилась. Давняя та свобода. Беседа в такой среде не могла не перейти на охотничью тему. Внимание гудящей аудитории привлёк лесник, начавший рассказывать что-то серьёзное. Потихоньку стихли голоса по углам, утх последний анекдот.

– Поставил я нынче капкан на рысь, привязал его тросиком к дереву. Трос длинный, гибкий и пружинистый, поэтому не сделал потаска, намертво привязал. Попадётся зверь, задёргается, а привязь, как пружина, будет возвращать его и выматывать.

Все понимающе закивали головами:

– Конечно, с такой привязью можно обойтись и без потаска. Зверь не вырвется, не открутит лапу.

– Какого дня иду проверять капканы, – продолжал рассказчик. – На месте железа на рысь снег разворочан до земли, деревья кругом изгрызены, ёлки подрост с корнем выдраны и разбросаны. На месте дерева, за которое капкан был тросом прикручен, только яма чернеет. След-поволока в сторону тянется. Я по ней. Смотрю, а следы-то! Следы-то!... – кивок на лежащую на чурбаке шапку. – Тут и вспомнил я про статью в местной газете. Читали, наверное? Сообщалось, что в вологодских лесах поселилась парочка тигров. Уссурийских! Там их отловили, а наши охотоведы

привезли и запустили в свои леса. Две цели преследовались: адаптировать этих редких хищников к новым и довольно суровым условиям обитания в северной тайге и тем самым расширить их ареал. Размножившиеся в последние годы кабаны и волки, опять же, нуждаются в серьёзном «пастухе». Тигры волков не переносят. Эти крупные кошки помогут восстановить баланс в природе и облегчат задачи охотничьего хозяйства. Полосатых выпустили в соседнем районе, но что им какая-то сотня километров.

– Не слабо для разнообразия жизни! – заметил кто-то.

– Так вот, один из этих зверюг и вляпался в капкан, на приманку для рыси позарился.

Лесник сделал паузу. Некоторые из мужиков читали о тиграх в газетной рубрике «Непроверенные слухи» и молчаливо ждали продолжения истории. Другие о тиграх в родных лесах слышали впервые, но помнили, как в областной газете, «Красном» ли, «Русском» ли «Севере» было пропечатано, что в одном из районов пасутся зубры из Беловежья. Енотовидные собаки кур таскают, тоже завезены были с дальних востоков. А ондатры! Деды не слыхивали про таких зверьков, а теперь шапки все справили из этих «крыс». И вообще, такие ли вещи случаются нынче в России? Переселение зверей, даже таких как тигры, далеко не самое непонятное из всего происходящего в стране.

– Мужики, передайте-ка чайник с печки.

Пока рассказчик наливал настоявшуюся до черноты чагу, все молча ждали. Тот продолжил:

– Капкан мощный был поставлен, седьмой номер, и тигра не смогла его сразу сломать. Обычно зимой, когда хожу по капканам, ружьё редко беру с собой; без надобности оно, да и тяжесть лишняя. А в тот раз прихватил одностволку, ну и решил по следу пройти. Недалеко зверь ушёл, запутался хлыстом-потаском в чаще и застрял. Увидел я только что-то жёлтое, рванувшееся мне навстречу. Выстрелил, испугаться не успел нисколько. Это уж потом поджилки затряслись, когда зверь мёртвый лежал. Долго к нему не осмеливался подойти... А шкура, видели бы вы, красота какая! – с восхищением заканчивал «слуга» леса. – В меху руки так и тонут. А размеры! На стене висит, так мочка носа под потолком, а огузок по полу стелется. Это двух с половиной метров, хвоста не считая. Завтра надо в

* Матица (балка) – потолочная балка или бревно, являющаяся перекрытием и основой для крыши и стропильной системы.

район ехать перед охотинспекцией отчитываться и шкуру везти.

В будке стояла тишина. Слушатели потрясённо молчали. Большинство явно горело желанием посмотреть и пощупать шкуру экзотического легендарного зверя. Самый доверчивый (лишняя стопка, наверное, расслабила) высказал это желание вслух:

– Сергей, отложи поездку на день, посмотреть очень хочется.

Лесник великодушно кивнул и, видимо исчер-

пав запас серьёзности, залиvisto рассмеялся. Поняв, что попали впросак, мужики смущённо закрывали. Кое-кто принуждённо хихикал. Над доверчивостью соседа: мол, я-то не поверил в эту басню, а вот он... «всю лапшу на уши собрал». Разобрали рукавицы, шапки и потянулись на свежий воздух.

Ну его, это словоблудие, хошь куда заведёт! Топор привычней и надёжней.

ВЕСНА

НАСТ – ВРЕМЯ ВЕСЁЛОЕ

* * *

Зверь стоял в куртине мелкого ельника и крутил башкой, то ли в поисках источника грома, то ли врага, причинившего ему – здоровому, сытому, сильному и от этого благодушному – такую резкую, жгучую боль в плече...

Что заставило медведя покинуть свою зимнюю «фатеру» в пору вселенских снегов, можно только догадываться. Скорее всего, водичка от весеннего дождика воровато втекла в берлогу и подмочила шкуру хозяина. После оттепели вернулся мороз и сковал, вынастил снега в асфальтовую гладь и твердь. Без лыж беги везде и всюду, только не забывай до обеда, а то и раньше, выбраться обратно либо до какой-то ездальной дороги. Наст – время весёлое, но короткое: рухнет под дневным весенним теплом да не окрепнет к ночи – записывайся в лесные потеряшки. Всё хорошее для человека имеет небольшие размеры и сроки.

...Теперь «потеряться» человеку вполне реально было от разъярённого стрельбой зверя...

* * *

Памятны старожилам насты ещё по детству. Такая случалась крепость снегов, что даже гусеничный трактор не царапал скованного морозом снежного покрова. Как весело и лихо нёс по этой глади велосипед! Наст – дело весёлое. Но если были упущены утренние часы, если узкое колесо предательски врезалось в какую-то ложбинку или рядом с травяным стеблем-будылиной, был обеспечен полёт через голову с жёстким, признаться, приземлением. Наст – материал шершавый и грубый.

В нём вскипала ярость. Он жаждал броситься навстречу досадному беспокойству, смять, уничтожить его, размазать по насту. Медведь и бросился на резкий, отрывистый звук и теперь стоял в пяти шагах от причины своей непонятной боли. Стоял, крутил мордой, но не видел и не слышал замершего в белом одеянии охотника. Не обнаруживал. Пока...

А всё начиналось мирно и благодушно. Робкий свет раннего утра ещё только осмеливался теснить мрак ночи, как лесная душа охотника вывела его на улицу. Наст – время короткое. Тут ещё порошу бросило на снежный «гранит». Все загадки леса перед тобой: читай, словно букварь. И побежал охотник на недалёкое болотце, охваченный восторгом встречи с глухаринными «чертежами». Нелишне было отметить центр «плавающего» тока мошников.

Почти на подходе, уже среди корявых, «глухаринных» сосен суболотка, стали приводить в смущение следы зверей: двухчётки ласки, горноста, куницы, да всё в одном направлении. Опыт немедленно подсказал – где-то недалеко валяется мясная пожива.

– Кружанём и глянём потом, – радостно принял такой подарок охотник. И тут же наскочил на следы рыси.

– Хм! Чем-то серьёзным зверьё разговелось, – укрепился охотник мыслью проверить звериный запас, разгадать лесную драму.

Проведя инспекцию своих глухарей, охотник подходил к заинтересовавшему его звериному многоследию с другой стороны. Мягкая пороша скрадывала шорох лыж и вкупе с белым костюмом придавала ощущение невидимки. Приятное

охотничье чувство. Стрела просеки легко и непринуждённо вела охотника по суболотку. По чудному храму природы. Опять думалось о наст.

Наст обманчив и может сыграть злую шутку. Отойдёт, отмякнет под солнцем, рухнет в одночасье, и останется путник пленником леса. Арестантом оттаявших снегов глубиной до пояса. По талому снегу нет никакого хода и на лыжах, налипает он на деревянные «доски» пудовыми гирями. И мази никакие не помогают. Сиди на валежине, охотник, гоняй чай до одури. До вечера. До надежды, что вечерне-ночная прохлада вновь сцементирует снег и тот великодушно отпустит домой. Чтобы не попасть впросак, который может оказаться смертельной опасностью (вдруг приморозка больше не случится!), не надо пренебрегать, жадничать, рисковать. До полудня, лучше чуть ранее, обязательно выбирайся, лесной путник, до торной дороги. Наст – дело серьёзное. Опасное.

Благие размышления неожиданно прервал грубый след. Лёгкую, девственную порошку, словно невестинной фатой покрывавшую наст, расчертила грубая поволока. Беглого взгляда хватило, чтобы понять: просеку перешёл сам «хозяин» леса, да с таким весомым кусом мяса, что зверю пришлось тащить его волоком.

Охотник не успел собраться с мыслями, как сбоку раздалось недовольное «пы-хх!» (Если кто-то сомневается, пусть будет «фы-рр»!) Охотник услышал «пышканье» и тут же увидел самого зверя. Медведь взломал наст, выложил из его кусков горку и крутился на её вершине, вынужденно держа лапы вместе на маленькой площадке. Спина его от такой позы неестественно горбилась. Зверь, надо думать, устроил «холодильник» для своей добычи и трамбовал снег для защиты её от других хищников-подъедал. Наст – материал крепкий и холодный. Медведь услышал посторонний шорох, но, занятый своим важным делом, лишь предупреждающе и недовольно «пышкнул»: «Не подходи!»

Охотник замер. Он не готов был стрелять медведя. С другой стороны, в то давнее время это не было нарушением: медведи приравнялись к волкам по нанесению вреда человеку. А охотник был молод и, значит, горяч и азартен. И он сменил дробовые патроны на дежурные пулевые, носимые для защиты. Сам решил нападать. Человеку присуще то и дело меняться. Защищаться и атаковать; метаться вверх-вниз, в стороны; веселиться и рыдать; любить и... Человек разнороден, как свойства снега. Постоянен всегда только лес. Но охотник решил стрелять, словно укрепившись сегодняшним состоянием снега – настом.

...Стояние рядышком охотника и подранка долго продолжаться не могло. Выбора для первого не было: сказал «А», говори алфавит дальше. Ружьё послало в стоящую по соседству гору мышц очередной цилиндр свинца. Зверь метнулся на выстрел, но всё же его прыжки разминулись со стрелком на длину лыж. Обычной прытью зверь ушёл в глубь приземистых сосен. Наст – дело ходкое.

С дрожью в мышцах прислонился охотник к «глухаринной» сосне. Он не курил, но теперь понимал, в какие моменты особенно тянет курильщика к своим «соскам». Выждал паузу и встал на медвежий след. Вскоре показалась кровь... Зверь недвижимо лежал под выскирем, но ещё поднимал тяжёлую голову. Прицельный выстрел завершил неожиданную охоту.

Оставалось разделать добычу и поспешить по крепкому выйти к деревне. А потом молиться, чтобы этот благодатный «пол» ещё продержался ряд дней. Котомкой ведь не скоро переместишь такой груз к своему жилью. Одна шкура – ноша! Одно поразило охотника. Не собственная смелость и удаль. Нет! Он наблюдал в себе и опаску, и нерешительность – трамплины для трусости. Удивило другое: только что вышедший из берлоги медведь был упитан, как осенний, откормившийся. Даже прослойка сала под шкурой составляла пальца два толщины. Шкура красивая, лоснящаяся, а никак не грязная и свалявшаяся. А ведь расхожее мнение обратное имеется: к весне у медведя якобы остаются шкура да кости. Ещё, разумеется, голод и желание заломить всё живое. Оказалось, и не так бывает, убедился фартовый охотник самолично.

Съедало, конечно, любопытство: чем и как поживился медведь в настовую пору? Всё оказалось достаточно прозаичным. Зверьё питалось погибшим в браконьерской петле лосем. Основную «порцию» прибрал медведь, наделав себе ухоронок. На одной из них и состоялась роковая встреча с человеком.

Не раз возвращался охотник к месту охоты, пока стоял наст. Не одно открытие лесной жизни на переломе сезонов обогатило охотничий опыт. Путь в лес в это время чаще заказан бывает, если только не состоится твердь снежного покрова. Весёлое это время – наст!

СУДЬБЫ ПОТАЁННЫЕ НИТИ

Весна о том годе стояла в самом разгаре, хотя во многих лесных и тенистых уголках ещё горбились ноздреватые, замусоренные хвоей бугры

снега. Повсюду царствовали талые воды, препятствующие и езде, и ходьбе. Но это было время спускаемых сверху планов и их обязательного претворения в жизнь, поэтому труднопроходимость лесных дорог никого не смущала. «Если родина скажет...» Чувствовалось, конечно, что страна теряет тормоза, как непослушный машинисту локомотив на спуске да перед поворотом. Это смутное ощущение тревоги, крутых перемен жизни уже накладывало незримый отпечаток на людские отношения. Начальство выкидывало иногда забавные фортели – от растерянности, наверно, а работяги, с присущей простому русскому народу философией, посылали его подальше. Природа дарила людям 89-ю весну крутого двадцатого века.

Лесники двух соседних колхозных обходов получили задание выполнить рубки ухода в молодом сосняке, довольно отдалённом от жилья участке, на самой границе с гослесфондом. По лесоводческой терминологии работы эти называются прочистками. Мужики соскучились по лесу после апрельского «домашнего ареста», когда из-за раскисшего метровой глубины снега пути-дороги абсолютно бывают непроходимы. Их души стремились на природу, как к рюмке в доброй компании, поэтому они особо не артачились. Нагрузились рюкзаками с обедом, неизменным котелком-поильцем, топорами – лесниковыми орудиями труда номер один, а также новшеством перестройки – «Секором» забугорного производства с канистрой бензина, и рано утром Александр с Валентином отправились в путь.

Прихватили и по одностольной «шестнадцатке» – идут-то всё-таки в лес глухой! К тому же охота открыта, и вечером вальдшнепы заснут туда-сюда, а ещё можно уточкой в манок покрякать, селезня-чирочка приманить на разливе ручья. Одним словом, обвешались скарбом до упора. Шлёпали по бесконечной водяной ленте лесной дороги, слушали голоса птичьей мелюзги, с наслаждением вдыхали пьянящий майский воздух. Всё кругом было прекрасно, и даже радовало то, что они идут куда-то одни, туда, где человеком и не пахнет, тогда как все крещёные ещё не отошли от одних майских праздников и готовятся к другим. Поймёт лесников только другой лесник да ещё охотник.

Дошли, отаборились, глотнули чайку с дороги (большое дело начинается с хорошего перекура) и за работу. Один надел на себя «хомут» – так в шутку прозвали перекрещивающиеся ремни, которые помогают удерживать на весу бензопильную машинку. Эта шведская «игрушка» – «Секор» предс-

тавляет собой моторчик «Партнёр» и дисковую пилу. Соединены они штангой с валом внутри. Ремни – «сбруя» оборудованы с правого бока крючком, на который подвешивается весь агрегат. Берёшься за рогатые ручки и пошёл подсекать-подпиливать «ненужные» деревца как косой.

Лесники работали с «Секором» по очереди от заправки до заправки, а её хватало на пару часов (до чего экономна заграница!). Другой в это время орудовал топором или подогревал очередной котелок с чаем, этим любимым «допингом» лесных людей.

Зимой на этом месте активно жировали лоси. Ивняк был обгрызен, многие сосенки поломаны. Тут и там мокли в воде бугорки лосиных «орешек». Поэтому ничего удивительного не было в том, что Валентин набрёл на лосиные рога. Повертели находку в руках, полюбовались мощными литыми отростками о пяти концах. Коллега обазартился и ринулся вперёд прочёсывать молодняк. Вскоре и он вернулся с похожей «лопатой»: оба рога явно принадлежали одному зверю. Решили их, несмотря на поклажу, вынести обязательно домой.

Дальше произошло вообще что-то из ряда вон выходящее. Валентин увлёкся работой и не сразу расслышал крик подбежавшего напарника. Сбавив газ, он разобрал, что Сашка лепечет о каком-то баране. Валентин ткнул пальцем в небо: мол, это бекас. Действительно, тот кругами летал над ними, то и дело производя оперением «блеющие» звуки. Это был обычный, привычный для уха звуковой фон весны.

Александр понадобились некоторое красноречие и нестандартная мимика, чтобы убедить Валентина в необычности происходящего. Бросив пилу, пошли к тому месту, где на человека выбежал самый настоящий... домашний баран. Когда Валентин своими глазами увидел отпечатанные на влажной земле следы овечьих копытцев, то в изумлении замер. След вёл со стороны большого леса, оттуда, где на десятки вёрст не было никакого жилья. Что за чудо?!

Но тут «чудо» подало не какое-то там куличье, а самое настоящее «бе-е-е, бе-е-е» и выбежало из зарослей к людям. Мужики увидели, что это хотя и рогатая скотинка, но на чёрта не совсем похожая. Схватили по куску хлеба и ласково стали манить:

– Чики-чики-чики...

Животное явно соскучилось по людям, приблизилось к ним, несмотря на всё своё известное баранье упрямство и одичалость за время мыканья по лесам. Когда баран боязливо потянулся к руке, Валентин попытался сзади схватить его за

круп. Пальцы бессильно скользнули по короткошёрстному, очёсанному в чапыгах сухому туловищу, и животное тут же отбежало в сторону. «Эх, за рога бы надо, за рога!» Больше упрямец к рукам не подошёл и вообще вскоре скрылся в лесу. Не будешь же «догонять» домашнее животное ружейным выстрелом.

Лесники долго сидели у костра, обсуждали этот случай. «Может, это притча?» – всплыло в разговоре скорее как шутка. Решили, что баран сбежал из чьего-то хлева в близлежащих деревнях. О выгоне скота на пастбище не могло быть и речи, так как трава даже не проклюнулась. Народная примета гласит, что на Егория (Георгия), то есть на 6 мая, овечка может травки пощипать, но так случается далеко не всегда. Север... Скот обычно выпускают в конце мая, а то и в июне, уже после посадочно-посевных работ. Шутили:

– Ну и видок был бы у нас! Рюкзаки, пила, рога, ружья да ещё барана на привязи тащим...

– Да уж, рогов-то чересчур много...

Самое интересное оказалось то, что хозяина потерянного барашка не сыскалось. Прибежал ли он издалека или местные хозяева утаили пропажу, чтобы избежать огласки и насмешек? Беглеца всё-таки поймал через день-другой один мужик, и уже недалеко от жилья. Осталось неизвестным, нашёл или нет этот счастливцев клад. Лесникам потом кто-то сказал, что выбежавший баран – к находке клада. Известно точно: лесники не везунчики, клада не находили. Барана-то они не поймали!

Более счастливый мужик, так удачно пополнивший своё овечьё поголовье, жил в благополучии какое-то время, но глубоким ветераном не стал. Валентин летом этого же года подцепил энцефалитного клеща и сделался инвалидом. Будучи не суеверным, он никак не связывал тот случай со своей болезнью, которая круто перевернула его жизнь. Однако со временем всё чаще стал задумываться о причинно-следственных связях в своей судьбе, в том числе о приметах. Возможно, это возрастное... Народная же мудрость замечает: не родись красивым, а родись счастливым. Александр ровно через десять лет после той весны погиб от собственной руки, предварительно наделав беды.

Человек сам куёт своё счастье или пути Господни неисповедимы? Нет ответа...

ВАЛЬДШНЕПИНЫЕ КРЫЛЬЯ ВЕСНЫ

Время на время не приходит. Весна на весну тоже. Вот и эта, одна из вёсен 1990-х годов,

отличилась приходом тепла аж в феврале. Затенькали синицы. «Шш-шу-ухх», – поехали с солнечных сторон крыш пласты снега. К вечеру замерзали сосульки, становясь день ото дня длиннее. В марте опять морозило, настило, выюжило, и все успехи ранней весны были напрочь зачищены, заглажены снежными переносами. В полоску получилась весна: тепло-холодно, как и человеческая жизнь: белое, чёрное, радостное, печальное... Вот такой природный нонсенс, современные «гримасничанья» климата.

Ощущение новизны и надежды, присущее приходу каждой весны, обретает полную силу с прилётом пернатых. Настоящую весну приносят на крыльях птицы. В народном календаре есть день, славящий возвращение пернатых на родину. «Сороки» – пора весеннего равноденствия. В этот день «сорок пичуг на Русь пробираются». Да, пока только пробираются, и до Севера ещё махать да махать усталыми крыльями. «Ну, всё – свершилось!», – радостно ёкнет сердце, когда увидишь первого грача. Замерёшь на вечеру, услышав знакомый свист: «Уж не скворец ли?» Нет, показалось. С соседом на перекуре обязательно зайдёт разговор о птицах и, конечно, о скорых квартирантах дощатых домиков. А утром...

*На Благовеста поутру
Замер я на улице,
Скворца увидев на суку,
С берёзой вместе
Отражённых в лужице...*

Вот и началось! Теперь уж размахнётся весна во всю силушку, пустит буйную талую воду. Пора ручьи проводить, следить, чтобы подвал не подтопило снеговицей. За эту ребячью работу-забаву берутся и серьёзные мужики, со стыдливой торопливостью, но и тайным удовольствием вычерпывают лопатами снежную кашу из ручейка, радуясь весело журчащей воде. На днях какой-нибудь знакомый с шалинкой в глазах обязательно похвастается:

– Седни на наволок стожья убирать ходил, дак уток видел.

Тут уж не выдержишь и поднимаешь вечером возню в ящике с ружейным припасом. Время от времени выходишь вдохнуть упругого тёплого воздуха, слышишь в темноте, как на полевых и луговых проталинах щемяще кричат «татарские воронки» – чибиры.

Размах и ширь обретает весна с вереницами и косяками журавлей и гусей. Это время большой

воды на речках, сиреневых разливах нежных хохлаток-первоцветов на лесных пригивенках.

Но весна летит не только на крыльях больших и сильных птиц. Если в поля и луга жизнеутверждающую весну приносят кроншнепы и чибисы, на болота, речки и разливы – утки и чайки, то в лес – вальдшнепы. Вальдшнепиные крылья весны скромны и незаметны. Этот необщительный кулик летит ночами и появляется совершенно неожиданно для людей, даже для охотников. Впрочем, деревенские охотники не очень-то интересуются куликовой братией, а о весенней тяге имеют самое смутное представление или не имеют вовсе. На косачей в шалашике-скрадке посидеть – куда ещё ни шло, а на куличка жалко заряда. Да и влёт стрелять непривычны. Крестьянский практицизм, воспитанный вечным недостатком, дефицитом и бедностью, экономией припаса, времени и сил. Только поколение помоложе, приобретая кое-какой запас и начитавшись литературы, приобщается к весенней тяге. Охотников, вкусивших пару раз всю прелесть встречи весеннего вечера с ночью в обществе с вальдшнепами, каждый год непременно потянет на знакомую вырубку или лесную поляну. согласишься и примешь на сердце поэтические строчки:

*Люблю я вечером стоять в лесу на тяге
С природой-матерью свободно и легко.
Тут забываются мирские передраги
И думы смутные отходят далеко...*

Предпоследний вечер короткого весеннего сезона охоты, праздник, День Победы, но охота-то завершается! Ушёл от близких, весёлой компании, выпивки. По дороге на тягу слышу первую кукушку, отмечаю очередную веху – приметку весны. Ага, а прошлой весной, помнится, 5-го мая услышал первое кукование.

– В последнѐ-то времечко, в старых книгах написано, и кокушки перестанут коковать, – вспоминаются слова престарелой тѐтушки. Это она про «конец света» говорила. Услужливая память подсказывает: действительно, несколько лет назад кукование дружно доносилось со всех сторон леса. Нынче же звучит пореже.

Сегодня решил постоять на неширокой, зарастающей ивняком и ёлочками лесной луговине. Лѐвичевы ляги* называется. Выбрал место, присел на валежину, всё ещё обуреваемый думами смутными. Утром не удержался, посмотрел военный парад по телевизору. Как-то скромно всё стало, тускло. Хотя бы в сапогах шаг «печатали», а не в

ботинках... (Напомним: год был из лихих 90-х.) Рукотводители страны стоят на какой-то хлипкой трибуне, стесняются на Мавзолей подняться...

Сейчас, в непростое для страны время, людям, всему народу, государству необходима память не только о Великой Победе, но и о других больших и малых достижениях, успехах. Не надо прятать чувство гордости за свою землю и Родину.

Успех нужен и охотнику. Ещё как нужен! Свежий, а не память о нём. Знаю наверняка, что до нормы отстрела в три длинноклювых и большеглазых головы недотянуть (тяги этой весной победнее, да и место не самое-самое), питаю всё же надежду на парочку куликов. Совершенно бесшумное появление крупной совы заставило вздрогнуть. Вынырнувшая откуда-то пернатая охотница тянет над луговиной и присаживается на согнутую ольху-коромысло. Голова-«корчага» повёрнута «очкастыми» глазами в мою сторону, оставаясь неподвижной и бесстрастной. Вот тебе и изюминка этого вечера!

Предзакатная пора богата на лесные встречи. Так же вот, стоя на тяге, видел кабанов, принимающих грязевые ванны в колее разъезженной лесной дороги. Как-то, ещё на пути к месту тяги, дорожку солидно перешёл медведь, лишь слегка повернув «головы кочан». Обратное, потемну, возвращение было несколько напряжённым. И сейчас не можешь удержаться от улыбки, вспоминая любопытного зайца. Стоял тогда в ожидании тяги в пойме ручья, почти сплошь залитой водой. Зайчишка, отправившись куда-то по своим делам, вынужден был шлёпать по лужам, что его не очень-то смущало. Пробегая в нескольких метрах, подвернул к самым ногам и, вытягивая подвижную усатую мордочку, принялся обнюхивать сапоги. Как тут удержишься от смеха?!

С воспоминаниями постепенно приходит чувство умиротворения. Не за ним ли пришёл сюда, на эти ляги? Из деревни доносится песня, исполняемая самодеятельным хором. Вновь сомнения: не лучше ли сегодня было посидеть с мужиками, выпить, поговорить за жизнь и, обнявшись за плечи, дружно затянуть песню? Чтобы слеза на глаза выступила!.. Но пора, пора готовиться, вставать на место среди присмотренных, по росту, ёлочек.

Желанное «хорх-хорх-цик» не заставляет долго ждать. Первые два кулика проходят стороной вне выстрела. Третий вальдшнеп мельтешащей бабочкой летит «на штык» и падает после убойного удара почти к ногам. Последний трепет крыльев

* Ляга – лужа или просто сырое место.

уходящей птичьей жизни, капельки крови на клюве... Зачем мне нужна эта легковесная птичка? Положенная под куст, она выглядит жалким бурым комочком.

Но удачный выстрел разгорячил сердце и обострил чувства. Руки твёрдо и уверенно сжимают ружьё, слух напряжённо внимает звукам. Глаза, уверен, на пределе возможного, узрят желанный силуэт. Ноздри жадно глотают прель весеннего воздуха.

*Ту деревеньку украсила берёзка белая-я-я.
Посмотри-ко, дорогая, что любовь наделала-а-а.*

Невнятные из-за расстояния и, наверное, изрядно выпивших исполнителей слова и мотив частушки нисколько не трогают. Напротив, неприятно «царапают» слух. Теперь я счастлив, что стою в этот вечер один среди леса, что в руках держу ружьё с блестящими от потёртостей стволами и поцарапанной ложей – хожено с ним немало, – что у ног лежит моя добыча. Сегодня я на своём месте. Мысленно молю свою охотничью судьбу:

– Пришли ещё вальшика... ну ещё одного...

Надо человеку время от времени чувствовать себя сильным, ловким и удачливым. Тем более – охотнику.

ЗАЛОМКА*

Майским вечером стоял среди леса на полянке в ожидании токового полёта лесного кулика. Охотники ждут эти невыразительные для слуха посторонних людей звуки куда с большим замиранием сердца, нежели девки переливов гармошки в руках самого первого на деревне парня-гармониста. В ту пору, когда гармошка была единственной музыкой на деревенских гулянках. Впрочем, тяга не задалась, вальдшнепы не тешили охотничью душу. Они вообще птички непредсказуемые.

Можно подумать, что время было потрачено зря: таскался охотник в лес и даже не выстрелил. Но заикнись какой обыватель об этом, охотник посмотрит на него с жалостью, как на тронутого умом. В лес зря сходил? Это весной-то?! В пору первой травки, трепетных птичьих концертов, новых нарождающихся надежд?

И всё-таки... была одна заметка того вечера. Была и отложилась в памяти, сохранилась, словно книжная закладка в любимой книге. Когда я хищной птицей высматривал и выслушивал чернее, послезакатное небо, на опушку неспеш-

но приковылял матёрый заяц. Он почему-то не увлёкся нежной травкой, а сразу принялся слюнявить надломленную тяжким сугробом осинку.

Обглоданная ещё зимой, она своим белым скелетом как раз перекрывала тропу на полянку. Без снежной подставы зверьку теперь приходилось вытягиваться столбиком, чтобы дотянуться до остатков коры. Так он и крутился возле своей привычной «кормушки» всё мимолётное время тяги, а мне оставалось мучительно раздвигаться: стрелять по кулику, если тот всё же вынырнет из-за вершин деревьев, и тем до полусмерти напугать жирующего зайца или же вообще закинуть ружьё за спину? Я оставил выбор за лесным духом. Он не прислал мне в тот вечер вальдшнепа, и лесной покой сохранился целомудренным. Заяц уже растворился в опушечной темноте, когда пришла пора и человеку возвращаться к огоньку своей избы. Возвращаться, унося в памяти очередную лесную зарубку-заломку. В благодарной памяти.

Летом я часто проходил через ту полянку: то на сенокос, то за грибами-ягодами. Приходилось всякий раз перешагивать через заячье деревце-слагбаум, но рука так и не взмахнула топором. Наверное, потому, что сразу припоминались весна и скромный в пищевых запросах заяц, для которого горькая осинка, видимо, была так же дорога, как наработавшемуся мужику ломоть ржаного хлеба.

ПОГРАНИЧНЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

За спиной чавкнула грязь, а через какие-то секунды, уже совсем близко, плеснула в луже вода. «Только бы не медведица!» – пронеслось в голове охотника. Обернувшись через правое плечо на последний звук, явно произведённый кем-то живым, любитель природы натолкнулся взглядом на силуэт большого зверя. Сумерки почти перешли в ночь и не позволяли навскидку уяснить в чёрной звериной массе его точную принадлежность...

– Только бы не медведица вывела на поляну своё потомство! – шмелём гудела прежняя беспокойная мысль.

Месяц май Валентин прозвал пограничным. Это граница между зимой и летом, холодом-теплом и, как правило, особое состояние души – томительное и трепетное, беспокойное и волнующее. Это время земляного труда, воспрянувшей зелени, пионерских костров в советское былое

* Заломка – заметка в виде заломленного прута, ветки; здесь: памятка.

время, берёзового сока, большой открытой воды и много-много-много чего такого, которого люди ждут целый год. Это и месяц боязни, опасения некоторых напастей: докучливых клещей, например, – переносчиков тяжёлого энцефалита, или огненных палов, когда жадному, неуправляемому и всепожирающему пламени предостаточно пищи в виде травяной ветоши, сухостойного бурьяна. Некось ныне по деревням – невиданная! Где-то боятся паводка... Наконец, в конце фантастического месяца мая «зелёные» (пограничники) шумно отмечают свой праздник. Натерпелись, видимо, в дозорах, вот и «дают дрозда» в день погранца. Вот вам и пограничный месяц май! Валентин-охотник сам мечтал служить на границе, разумно полагая, что его охотничьи навыки всем будут только на пользу. Но кто слушает призывника, спрашивается? И попал он в «пограничники неба», отдав двухгодичный долг Родине в ракетных войсках ПВО.

Но и это ещё не всё. В мае Валентину угораздило родиться. А сколько праздников в мае?! Больших, важных, всенародных и полузабытых новым строем, однако ностальгически памятных.

Всё это разве не зовёт опуститься в пучину радости и забытья?! В омут печали и ликования?! Май нескромно приглашает, настойчиво манит и грубо требует: выпей, забудься, расслабься. Ты же майский «мученик»! Случалось, Валентин поддавался этому искусу. Георгий Победоносец (6 мая) победил дракона-змея, а ему не всегда удавалось справиться, пособиться с «зелёным змием». Его женщина смотрела на это строго, но ничего не говорила. Валентин высоко ценил её молчание и относил его на незаурядный ум, высокое понимание и глубокое терпение. Широко известно: «половинки» мужчин в таких случаях почти всегда закатывают скандалы. Понимание пришло позже. Ей было просто безразлично его поведение. У неё уже созрело желание расстаться, а его поведение только укрепляло это решение и подгоняло развязку. Валентин напропалую брёл по лесной чаще, плюнув на все ориентиры. Куда выведет!..

Но главное всего в пограничном месяце мае было то, что он вмещал в свои границы весенний сезон охоты, в своём роде «десерт» охотничьей страсти. Обыватели, да и некоторые охотники, даже протестуют: «Как можно убивать живое существо в пору любовной страсти?!» Когда Валентину надоедало приводить разумные аргументы в защиту весенней охоты (кстати, их мало слушали), он говорил: «А разве Родина не глумится над нами?! Прожило ли хоть одно поколение без печальных, а то и страшных встрясок? Родина если

не стреляет, не ставит к стенке, то растаптывает, размазывает, распыляет народ. В лице, конечно, государства и правителей. Разве мы сами не уничтожаем друг друга – ты её, она тебя – равнодушием, эгоизмом, предательством? Не предаём то и дело любовь? И этим убиваем друг друга мучительно, безжалостно и верно. Не любя человека, своего ближнего, как мы можем рассуждать о жалости к «птичкам»?..

Как правило, охотничья душа на родине Валентина имела право распахнуться в первую декаду мая, а в последнее время аж на целых полмесяца. Такие сроки имеют свои преимущества для охотников: много выходных дней и редко когда выпадает на начало мая Пасха со Страстной и Светлой седмицами. Охотиться на Святую Валентин не желал, а может, и побаивался. Он не пытался ещё глубоко вникать в этот вопрос.

Вот и перед этим пограничным маем Валентин поспешил за путёвкой, чтобы уехать в родную деревню с видом любимого леса из окон. Он знал, что ей будет не любо, но полагался на целебную силу разлуки в отношениях со своей женщиной. Какая наивность для взрослого! Разлука не лечит, а калечит. Клубок тонких нитяных отношений гниёт в разлуке, и связующая нить рвётся ещё скорее. Честно сказать, Валентина не очень-то стала прельщать стрельба в последние годы. Появилась жалость к зверю и птице. Он понимал, что это возрастное, и если кто и мог осудить его за такую слабость, так это молодой горячий охотник да собственная пламенная охотничья юность. Но побывать в весеннем лесу для Валентина было насыщенной жизненной необходимостью, всё равно что помянуть родителей, рассчитаться по долгам, встретиться с друзьями. «Испить глоток родины», – называл он свои «побеги» в деревню.

На этот раз отъезд был жёстким и печальным. Она заявила: «Вот тебе Бог, вот и порог!» Короче, с вещами на выход. У какого мужика в данной ситуации не будет уязвлено и оскорблено самолюбие? И Валентин уехал. Она ещё добавила: «Зимой пожалела, а теперь лето... выживешь». На самом деле был ещё май. Пограничный!

И снова горела лампадка, уже в светлой ночи, белизна которой всё смелее сочилась в окна избы. Родину теперь можно было пить взахлёб. Всё проходит, и это пройдёт. «Вот только хватит ли шнура на мотке жизни на мучительное забывание?» – задавал себе вопрос отринутый мужчина. «Работать, работать, работать!» Но такая привычная лопата стала непослушной и выпадала из рук. Похоже было, что эта «командировка» на малую родину затянется на необозримое будущее. Надо

было ткать паутину быта. В одном она была права: лето – не зима! Валентин перешёл на подножный корм. Одуванчик, крапива, перья зимнего лука... салатик получается – чудо! Эх, колбаски бы ещё добавить...

Бывало, Валентин подолгу стоял у окна, прижавшись лбом к стеклянной прохладе. То ли мысли остужал горячие, то ли высматривал неуловимую истину. Какая-то красивая перелётная птичка с красным подхвостьем каждый день присаживалась на оградный столбик. У неё не было ни воробьиной суетности, ни трясогузкиных подёргиваний хвостиком. В спокойной позе птахи усматривалось то ли умиротворение, то ли философское понимание. Ни того, ни другого Валентину не доставало, и он подолгу любовался этим маленьким чудом природы, сравнивал одиночество птички с собственным. Но он ошибался. В майской природе одиночества нет, в отличие от человеческой. Однажды на столбике уже оказалась пара птичек. Посидели, посидели они и вместе упорхнули по своим делам. Не успев привыкнуть к этой потере, Валентин назавтра вновь обнаружил на старом месте своего знакомого, замершего, словно часовой на посту №1. У птичек, видимо, где-то рядом в малиннике было свито гнездо, занятое самочкой. «Да-а-а, – вздохнул Валентин, – в одиночестве гнездо не свить. Надо переводить одинокое существование в уединение. Оно даст понимание, смирение и силу».

...Зверь громко «пыщкнул». Похоже было, для него такая близкая встреча с человеком была ещё большей неожиданностью. Любитель природы придал своему вдруг осевшему голосу нотки то ли учителя, то ли начальника, то ли прапорщика, короче – угрожающие, и заругался: «Куда прёшь! Куда!..»

В первый выход на вальдшнепиную тягу ружья Валентин не взял. «Успеется, – думал он. – Похожу, посмотрю, чайку попою лесного, послушаю, посчитаю лесных долгоносиков...» Держали бы руки ружьё, то оно, конечно же, было уже перезаряжено и теперь смотрело бы дулом в зверя, храня в патроннике смертельную конструкцию из свинца и стали. Тридцать граммов смерти! У Валентина, опытного охотника, хватило бы, пожалуй, выдержки не стрелять до самого последнего, но впоследствии он всё-таки радовался, что оказался на том «рандеву» с лесным жителем без ствола. Впрочем, с ружьём, скорее всего, встреча со зверем не состоялась бы. Зверь набегает под ноги и птица чуть ли не на плечи садится, когда охотник идёт в лес без ружья, по другим делам – всем известное дело.

Валентин пришёл на первое свидание с весенним лесом налегке, с самодельным котелком, на который без сожалений была пожертвована маленькая дюралевая кастрюлька из домашнего кухонного набора. Для нескольких глотков весны вполне достаточно. У Валентина на примете был ряд вальдшнепиных токовых точек. Это место тяги привлекало ещё лужей, на которую любили прилетать селезни чирков, а то и крякшей. Утицы уже были на гнёздах, самоотверженно грели яйца, а их отторгнутые «супруги» разлетались на ночь по тихим укромным старицам, прудкам, канавам, лужам и могли стать попутным трофеем. Такое случалось...

Более того. Над вальдшнепиным перекрёстком с кормёжки в полях часто пролетали стаи гусей, находя ночной отдых на обширной клюквенной чисти. Покоя, правда, птицы зачастую не находили и на болоте. Там их ждали настырные охотники с крепкими ногами. Гуси потемну садились почти на ружейные стволы, а потом, на выходе, гроздьями своих тушек нещадно оттягивали плечи удачливых стрелков. Валентин на своей «скромной», «домашней» охоте зачастую был наблюдателем-слушателем валового отстрела гусей. Вот с «переговорами» пролетает недалеко очередная гусиная вереница. Через несколько минут, которым птицам хватало пролететь 4-5 вёрст до залитых талой водой моховых чистей, оттуда доносилась приглушённая расстоянием канонада. «Пах-пах-пах», – частили выстрелы «бездымкой» и обрывались тишиной... до следующей гусиной стаи. Случалось, гуси налетали на Валентина, и тогда вальдшнепник тут же превращался в гусятника, лихорадочно меняя в патронниках «семёрку» на «однушку». Случалось, стая теряла своего товарища ещё до болота. Случалось в семье достойное жаркое, как выражался добытчик – заживное.

Теперь гуси остались в прошлом. Сельское хозяйство ухнуло в небытие со скоростью «приблацивающегося» в темноте гуся. Рухнуло, упало, свалилось, скатилось, согнулось, скукожилось в угоду власти. Нет в полях озимых и иной «зелёнки» для кормёжки гусей. Пашни миглом захватила древесная поросль, и растут грибы. Гуси сменили свои маршруты, и только редкая стайка озвучит нынче майское поднебесье.

Любитель природы «зачернил» лесную подстилку огнём на площадке всего в две ладони. Под боком журчащий ручеёк, хохлатки-первоцветы, первый сморчок, аромат оттаивающей земельной прели, «бальзам» напитка из котелочка на чаге и смородиновых веточках с набухшими почками,

предвкушение встречи с лесными долгоносиками... подобные приметы пограничного мая не способны ни греть душу, ни ласкать чувства поклонника леса, природы, охоты. «Таможня дала добро» ощущению счастливой причастности к земной жизни. Валентин ощущал физически, как тает лёд в его сердце. Что называется, айсберг придрейфовал в тёплые воды. Пошёл взаимный процесс растворения: его в природе, природы в нём.

Чувство радости впитывалось всеми фибрами души и клеточками тела. Но всё-таки это была радость, растворённая с печалью. Радостопечалие! В светлую струю его чувств впадал приток печали, связанный с расставанием. Но что расставание, несостоявшаяся любовь на фоне природы? Горчинка! Правда, перечную горошину этой горчинки придётся сосать всю оставшуюся жизнь. И если жизнь человека вынуждена искать смысл в одиночестве, то надо молиться... Пустоте? Нет, нет, это должна быть благодарная молитва за жизнь с прививкой любви к природе.

Рой мыслей, дум, выводов «отщепенца» в любви человеческой, но «найдёныша» малой родины, своим лесом, был прерван этим чавканьем, этим плеском, наконец самой звериной глыбой за спиной. Противостояние человека и зверя «Х» было кратким. Первый, по-разумному, стоически остался на месте, а второй через лужу сиганул к опушке. Там приостановился и вновь недовольно «пышкнул». «Пошёл, пошёл!» – прикрикнул «царь природы» грозно.

Затихающий треск валежника в глубине леса

принёс чувство облегчения. Догадываясь о звериной породе, Валентин пошёл посветить фонариком на следы. Кабан! След крупный, видимо секача, но всего лишь «поросёнка».

Любитель природы дослушал сквозь лягушачий хор своих вальдшнепов и тихонько отправился домой. Чтобы разнообразить дорогу, пошёл не полевой колеёй, а параллельным ей выгороженным коровьим прогоном. Правда, последние годы коровьи копыта уже не месили грязь этого каждодневного «этапного» тракта, ведущего на лесное пастбище. Последний этап животных состоялся в ином направлении – на колбасный комбинат. Там, где прогон состыковывался с вольным пастбищем, всё ещё не росла трава. Обильно унавоженная площадка предстала ночному путнику в лихо взбуровленном виде, как будто он попал на танкодром.

«Так вот куда спешил кабан, – усмехнулся Валентин. – Дождевых червей здесь видимо-невидимо, а я оказался досадной помехой на пути чушки... будешь тут недовольным».

Возвращение было умиротворённым и беззаботным. Вскоре показался случайный полуночный деревенский огонёк-светлячок. Лампадка его любви не потухла. Валентин чувствовал, что сегодня он подлил в неё масла надежды. Завтра предстояла новая встреча с лесом. Пограничный месяц май только начинал ещё свой разбег. Где-то коротко «гагакнули» гуси. Или почудилось?!

Л Е Т О

ПОБУДКА

Время перелома света и тьмы. Ночь перелома. Разбудили крики чаек. Я знал, что на соседнем, старым бобылём пустующем доме, две пары чаек устроили гнёзда прямо на крыше. Одно из них птицы сладили вообще на князьке. Думалось ещё: «Как оно держится-то? Погоды – всё ветра и ветра».

Вороны могут сплести свой «родильный дом» из алюминиевой проволоки. Этакую корзинку. Животные отважно следуют за человеческим «прогрессом». Пользуются «благами» цивилизации. Гнездо чаек прочно держалось на ветродуях, словно рубка корабля, а мамаша восседала в нём с гордостью капитана, выведшего в первый рейс

огромный красивый лайнер. Супруг всегда был рядом. Кормил. Охранял.

Чайки кричали надрывно, тревожно. «Что-то случилось у птиц... Может, ястреб напал...» – лениво ворочались мысли в голове на подушке. В сонной голове. Вороны, сороки, галки также «опекали» «роддом» на крыше, то и дело унося свои крылья от пикирующих чаек. За окном было светло. Не потому, что наступил рассвет, просто не было ночи. Лишь дождливая облачная завесь соткала лёгкий сумрак. Стрелки показывали четыре утра. Четыре часа 22 июня.

В полнокроевое утро вышел на улицу и сразу глянул на просевшую крышу дома на отшибе, стоящего за скромными грядками и наглыми зарослями трав, с пробившимися на бывшем ого-

роде берёзками. Чайки сидели на князьке. Между ними удалось издали разглядеть суетящихся, как все дети, птенцов-пуховичков. Ах, вот в чём причина птичьего волнения! Жизнь! В груди расплылось животворное тепло. Радостное, благодатное. И так не в светлый, не в «белый» семейный уклад то и дело добавлялись мазки от полярной ночи. Мрачные разводы. Грустно и тоскливо было при нынешней жизни думать о судьбе деревни. Весь наработанный деревенский, колхозный потенциал растаял, словно кусочек рафинада в кипятке. Всё растворилось в кислоте безумства, равнодушия, а может... злого умысла? Необъявленная война «родинкам жизни» – деревням. Своей земле.

Вспоминаются строчки Владимира Горынцева:

*...Да. Мы вышибли Русский Дух,
Не вникая в заветы древних.
И умрём мы, увь, от мук
Погибающей Русской Деревни.*

Каждая деревня была маленькой крепостью, устоем, коренной основой русской жизни. Заставой русского духа. Велики города, но пустые. Не крепости. Пуста земля без деревушек, без людей. Чаек совсем мало селится. Не живут они в «лесу».

22 июня, четыре утра. 76 лет назад бомбы и снаряды уже сыпались на головы людей на западе той большой нашей страны. Утерянной. Уже встала насмерть Брестская крепость. Стреляла. Представим невозможное, немыслимое, безумное: враг захватил нашу землю, искоренил народ, погубил русский дух. Разве стояли бы наши дома семь десятков лет при захватчиках? Но и эти жизни лет десятки были для людей не сладки. Верой и надеждой жизнь продолжалась. Любовью. На родной свободной земле. Отревели похоронки, женщины в голод, холод покорно тянули тяжкий воз колхозной жизни. И рожали детей! От уцелевших солдат, от подросших парней... Рожали. Жизнь продолжалась. Медленно, туго, с надрывом крепчала деревня... Легла на погосты костыми.

Теперь я ещё чаще посматриваю на крышу с чайками. Несу ведро на помойку и машу призывно рукой. «Ки-и-и, ки-ки-ки...», – слышу в ответ. Хочется думать – благодарят меня. Холодно на сердце. Темно. Нужда в сочувствии. У птиц так у птиц. Время попустительского пренебрежения к деревне. Пора безвременья. Изменить отношение не поздно. Просто нужно успеть. Развернуться. Лицом. Всей справедливостью и совестью.

Всей памятью и благодарностью. Время перелома света и тьмы. Пробудиться бы.

Знаю, что будут иные побудки. Рассветы. Как много дел, задумок и замыслов. «Сделать нам предстоит...» Встрепенёмся! Внучки приедут в гости. Подросшие. Самостоятельные и на руках. Восхитимся! Как хороша природа в цветущей рябине. Лето. Его ещё будет много. Порадуемся! Позвонил товарищ и пригласил на встречу друзей. Помнят. Возбодримся! Чайки обязательно вернутся будущей весной на «крышу дома своего». Встретим. Улыбнёмся!

СЮРПРИЗ

Шорох наших шагов по траве мимо этого водоёма всякий раз вызывал лёгкое бульканье на границе береговой и водяной зарослей. «Лягушек пугаем», – думали мы. Да и что ещё могло быть живое в этой луже? Просто наволочная* впадина заполнилась паводковыми водами и уже наступившее лето не успело пока осушить прудик размерами, как принято говорить о малом, с избу. (Ранее избы-зимовки в целях экономии тепла рубились примерно 6 на 6 метров, вполне вмещающая немалые семьи.) В таких озеринках вода скоро прогревалась, и они служили первыми купальнями для ребятни.

Однажды с нами был спиннинг. При подходе к яме снова плеснулось и пошли по воде усы волнения. Один из нас освободил блесну и изготовился к броску. Другой насмешливо попыхивал папирсой: «Лягуху на тройник можно, конечно, зацепить случайно, но не той «породы» наши лягувы, не зелёные, значит, несъедобные, и мы не фр...» Но последующие события заставили на полуслове прервать насмешку и лишиться недокуренной папирсы, такой дефицитной в то время. Выпала изо рта, распахнувшегося от удивления, и затерялась в подросшей траве.

За первым же забросом последовала хватка, но рыбак сам растерялся от неожиданности и поспешил с проводкой. Второй заброс подарил нам щуку. Не ушла вовремя в большую воду речная хищница и обсохла в яме. Скушала всё, что могло попасть вместе с ней в эту ловушку, и, видимо, находилась только на лягушачьей диете. Потому и обзартилась сразу на железку-блесну. Не привёл в чувство даже укол от первой хватки. Не крокодиль размерами щучка, но куда как приятно!

* Наволок – луг в речной пойме.

«КРОКОДИЛ»

По лугу, в длину лески на катушке спиннинга, скорее в половину этого расстояния, раскинулось серпом староречье, не пересыхающее круглый год. С ним связана не одна рыбацкая история. Староречины (старицы) – это озёрки, оставшиеся на низменном пойменном лугу после смены рекой своего русла, словно брошенные дети. Подпитает их мать-река водицей в весеннее половодье и снова оставляет на целый год, унося воды стороной. Чем крупнее река, тем обширнее эти озерины. Некоторые из них связаны с речкой протокой, а иные накрепко отгорожены намытым берегом.

В нашем случае речка весьма и весьма скромна, поэтому и пойменная озеринка тянет лишь на уменьшительное название. Конечно, где много воды, там и рыбы немерено. Но рыбак на любой воде надеется на сюрприз.

Как-то мы с напарником в мае проходили по своим лесным делам мимо этого староречья. Смотрим – на берегу крокодил лежит. В Вологодской северной глухомани и... это чешуйчатое земноводное?! Тепло, правда, наступило, вода прогревается, но отсюда до Нила-то крокодиляго даже для птиц перелётных недели пути!

Ну да! Крокодил! – первый вызревший образ в голове. Мозг тут же пустился в поиски разумного объяснения: «Бревно-остуланок*, обшарпанное ледоходом, обгрызенная бобром осиновая чурка...» Но эти варианты явно пасовали: глаза наши наблюдали нечто из плоти, причём в чешуе.

Подошли. В полуметре от уреза воды лежали две щуки, равные размерами. Не буду стучать себя по руке около плеча, показывая их длину. Покажу только от кончика среднего пальца до локтя, но на мужской руке, на руке того индивидуума, верхние конечности которого свисают ниже колен. Короче, серьёзные рыбыны! Самое необычное заключалось в том, что одна хищница заглотила полголовы другой. Равную себе по сложности «товарку», естественно, было никак не проглотить, но и выпустить невозможно из пасти зубастой. Какое-то время обречённые рыбыны баламутили воду староречья, пока не обессилели. Прибарахтались к берегу, вода быстро шла на убыль... И вот эта парочка в своей смертельной связке-сцепке предстала перед нашими изумлёнными взорами.

Надо думать, голод заставил пойти на «торпедирование» одну из щук. Не могли же они устроить турнир или драку, как делают это люди. Вот так и обсохли на бережку. Что интересно: даже

вороны и чайки не успели ещё запустить свои жадные клювы в рыбью мякоть. Но стояло тепло, от рыбин уже шёл запах, и от подарка природы для своих желудков пришлось отказаться. «Крокодил» остался птицам или любому четвероногому из числа тринадцати: от медведя до ласки, от выдры до водяной крысы (полёвки).

Остановимся на такой детали. В нашей местности протекают речки Уфтюга и её приток Яхреньга. (Названия местным рекам даны ещё чудью заволочской финно-угорского происхождения; примеры: Кокшеньга, Шебеньга, Лохта и т. д.) В Уфтюге вода тёмная, и щуки в ней под стать: прогонистые, «загорелые». В светло-струйной Яхреньге щуки покороче будут, но потолще и «блондинистые». Вот такие две, намертво сцепившиеся, рыбы-«толстушки» и вызвали ассоциацию с крокодилом.

Ну, о длине щук мы уже говорили: со столешницу каждая! Нет, нет, обманывать не будем. Размер прикидывали не по диагонали крышки стола и даже не в длину её: всего лишь поперёк, но стола обеденного. Семейного!

ПОЖАРНЫЕ НА РЫБАЛКЕ

В мозги каждого местного, да и всякого другого рыбака заложены дрожжи беспокойства и предприимчивости. Если мы не все охотники, то с речкой-то дружили поголовно, пускай только в детстве. Вот и бродят опарой потаённые мыслишки о кучных рыбных косяках да щуках-аллигаторах, застрывших в водоёмах-анклавах**.

Местность, с которой знакомится терпеливый читатель, называется Хмельники. Нет, хмельного родника, как можно догадаться, в урочище не обнаружено. Источников со спиртом природа людям не преподнесла не от жадности, наверное, а из жалости. Поэтому немалые затраты горячих рыбацких голов на Хмельниках были пущены не на геологические изыскания, а на мелиоративные опыты.

История состоялась следующим образом, представим. Трудилась себе заядлая рыбацкая душа на Хмельницком наволоке, сено заготавлила для колхоза. Не забывала, конечно, крюк, донку, а то и перемёт на ночь насторожить. Да и верша, пожалуй, дежурила на рыбьей «тропе». Случайный улов был скромнен; рыбацкой душе, словно старухе из сказки о золотой рыбке, желалось большего. Покоя не было.

* Остуланок – обрезок бревна, коротыш.

** Анклав – обособленная территория.

Не раз стоял рыбачок, покуривая и остужая от потной работы тело, на берегу старицы и завистливо косился на умиротворённую воду. «Подика рыбы сюда весной заплывало... немерено!» – подзуживала беспокойная душа. «Вот бы воду слить да посмотреть хоть на рыбу-то. Набилося, поди, как сельдей в бочку», – хороводились в голове мысли, словно пчёлы в жаркий медосбор у летка. (В те времена рыбку наполовину с водой-льдом не продавали; селёдка и водка реализовывались труженикам страны без обмана.)

Когда долго о чём-то думаешь, соображаешь, озарение может посетить вдруг, даже во сне. Многие колхозники – неоткрытые ньютон и эйнштейны, только яблоки наливные в наших краях не растут, и на головы может упасть лишь что-нибудь от галки или голубя. Мир потерял много непознанных гениев. Нашему рыбаку вдруг вспомнилось: живёт в их деревне Сашка Моментально. Кликухе своей обязан тем, что на просьбы односельчан отзывается бодрим согласием: «Моментально!» В итоге, бывает, совсем не приступает к делу.

«Ё-моё! Сашка-то ведь пожарником в колхозе служит и пожарка за ним. Бутылку ещё ему должен, будет повод зайти». Вызревшая мысль скрасила тяжёлую сенокосную работу. День пролетел на соколиных крыльях.

Назавтра или чуть позже (вероятнее – не совсем моментально) лесных жителей, четвероногих и пернатых, отвлёк от воспитания потомства чужеродный рык. Подминая люпин на заброшенном запольке, к речке на прямую катился рычащий и ядовито чадающий красный «зверь».

ГАЗ-66 подкатился к старице. Мужики деловито выскочили из кабины и со сноровкой, достойной применения на тушении пожара повышенной сложности, раскатали шланги. Один рукав опустили в озерину, другой в реку. Загудела помпа, и в живую речку через автомашину полилась староречинская водица. Процесс пошёл. Наверное, тогда и было положено начало хваткой, жадной и беспринципной «рыбалке» на необъятных расейских просторах. Браконьерство процветает и сейчас...

Что делают рыбаки, пока не клюёт? Правильно: раскатывают «скатерть-самобранку». У наших «мелиораторов-рыбаков», как говорится, с собой было. Приложение – сальце из подполья и зелёный лучок с грядки. Засиделись они на бережку в предвкушении того часа, как будут набивать мешки телами беспомощного рыбьего племени.

Технические достижения помогают человеку. Наверное... Но его достижения в руках и головах

бездумных людей – гибель для природы. Не зря же сейчас скудаемся рыбными запасами и твердим как молитву: «Вот раньше-то рыбалка была!» В нашем случае матушка-кормилица сумела себя защитить. Долго, коротко ли, но в какой-то час мужиков отвлекла от трапезы тишина. Всасывающий рукав опустился на дно и забился тиной. Мотор заклинило... Глубины староречья остались непознанными. Говорили, воды за время откачки даже не убыло. Нам неинтересно, как выкрутился пожарный, но доподлинно известно: опыты по осушению ещё имели место.

Как видим, хмельное в эту местность попадало, но не повлияло, конечно, на название урочища. Сенокосному угодию Хмельники, также как и впадающему в речку Яхреньгу с другой стороны – ручью Хмельёвка, имя подсказал, вероятно, дикий хмель, оплетающий своими «лианами» кустарники. Хмель, конечно, примечается и в других местах-урочищах, но у них иные имена.

Бывает, трудно понять, что двигало нашими предками, закрепившими то или другое название за какой-то местностью. Нам остаётся догадываться и предполагать, помнить и беречь это наследство.

Давно не косятся наволоки Хмельников, и много рыбаков ушло в мир вечного клёва. Староречье продолжает принимать в большие полые воды в свой тихий закуток разную рыбу. Наверное...

ПОД ЗНАКОМ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Нет, это не ошибка, что слова «большая медведица» в заглавии написаны с маленькой буквы. Наша речь не о звёздном августовском небе, а об одном летнем дне в лесу со многими сопутствующими прелестями.

Сосед осени – август с самого своего начала приятной прохладой перекрыл изнуряющую июльскую жару, утихомирил кровососущее племя двукрылых, настроил на грибную охоту. В жару да сушь какие грибы?! А тут и дождик добротным окропил землю; в лесу сделалось прохладно и благодатно. Зобеньку в руку под ягоду замарайку – чернику, за плечи пестерь под более солидный грибной груз, и понесли ноги туда, где люди меньше ходят, а то и вовсе не бывают. Кому интересно наткаться на терблennyй ягодный куст, резанные останки грибов, разбитый рябчинный выводок... Всегда хочется лесной девственности и на ягодных палестинках (по Пришвину – богатое ягодное место), и на грибных плантациях, и в вылазках с ружьём.

Ведунья-память привела к давно примеченной куртинке черничника. Это что такое?! Кустарничек примят, листья ошипаны, крупные да сочные ягоды лишь отдельными сиротливыми бусинками синеют из этого разбоя и разгрома. В голове ревниво ворохнулось: «Упредили тебя какие-то ягодники с комбайнами». Но мысль не получила продолжения. Лесу за деревней у-у-у сколько, а жителей настолько мало, что набрести кому-то на этот куст – было бы невероятным случаем. Как выиграть в лотерее главный приз. Тут и затопь примечаться стала тяжёлая, нечеловеческая. Явно медведь жировал на черничнике.

Лесного жителя ревновать не приходится. Люди друг перед дружкой ягод на кусте не берегут, а на такого солидного сборщика, как медведь, и вовсе не попеняешь. Ладно, таких кустов, усыпанных ягодой, в лесу много, пойду к другому. Вскоре натолкнулся на конкретное и довольно свежее доказательство присутствия неподалёку косолапого конкурента, его, выразимся по-научному, экскременты. Дюжая куча вызывала уважение к её хозяйке; или хозяину? Признаков присутствия медвежат не наблюдалось, и по всему видно, что ягоду здесь берёт «сам».

Иметь в душе охотничью струнку и отступать – неприлично. Продвигаюсь от одного кустика ягод к другому и постоянно натыкаюсь на медвежьи метки: разрытая кочка, завёрнутый дёрн (гумно – охотники называют), разбитая в труху валежина и опять эта черничная куча. Как горка сажки насыпана. Ну очень свежая! «Кхе-кхе...» – специально покашливаю негромко, нарочно наступаю на сучки. Не нужна тишина – не на охоте. Не нужна близкая и неожиданная для обоих, меня и медведя, встреча. Не пугаю зверя ни криком, ни свистом, а только лёгкими шумами предупреждаю: «Возьми в сторону, зверь, человек идёт». Был бы курителем, достаточно было пустить сигаретного дымка. Уверен, что медведь слышал меня, а может, и видел. Надеюсь, оценил деликатное человеческое поведение.

Хотя... Хотя у зверей всё наоборот. Тот же разомлевший от сытости и жары медведь выдерживает выстрел по рябчику рядом со своей лёжкой-ямкой; но он же мгновенно слиняет, слышав треск сучка за сотни метров, а тем паче перехватив струю воздуха от охотника. Они изумительно чётко фильтруют степень опасности для своей шкуры.

Бывали в лесных скитаниях встречи с медведями накоротке, на достаточно неприятном расстоянии. Не на охоте, нет. Охотничьи истории – особые воспоминания. Если сказать, что встречи те с

хозяевами тайги вызывают только добрую память, значит, сказать, мягко говоря, неправду. Память цепко держит от этих встреч неприятное учащённое сердцебиение.

Так и ходил день: то теребил ягоды испачканными руками, словно у школьника, пролившего чернильницу, то с грибным ножичком спешил к буро-шоколадной или красной шляпке гриба. Встречались, в основном, белые и красики-подосиновики. На соленье грибы ещё не подошли. Как-то, подняв глаза от «полу», невольно замер. Немного сбоку стоял на дыбках медведь с полусогнутыми передними лапами, с насторожёнными круглыми ушами. «Бог ты мой, набрёл всё-таки!» И тут же другая, успокоительная, мысль: «Выскiria не видел в лесу, что ли?!» Думы о медведях сказочным образом превратили задрванное кверху корневище упавшего дерева в живого зверя. Когда прошёл несколько шагов и опять поглядел в ту сторону, то не увидел ничего похожего ни на медведя, ни... на корневище. Может, взаправду, медведь был? Ну и пусть.

Знаковый медвежий день на этом ещё не закончился. При подходе к деревне пришлось пересечь скромный пахотный загончик с мелким зелёным овсом. Охотоведы утверждают, что сеют такие площадки для подкормки медведей и кабанов (пора в свой штат агронома включать, право). Но они же сами караулят здесь зверя ночи напролёт и везут гостей-охотников. Не подкормка получается, а приманка.

К своему удивлению, я заметил, что кромка незрелого посева уже уложена зверем. Тут была большая медведица. Рядом с «шапочными» отпечатками на влажной почве проступали умильные подошвочки малышей. Эх, медведки, питались бы вы ягодой! Эвон её сколько! За малиной, черникой и голубикой подойдут брусника, журавлика, рябина. Но не подскажешь вольному зверю. Не остановишь и человека в погоне за медвежьим трофеем. А как бы хотелось, чтобы всегда было где брать грибы и ягоды, всегда был лес со своим хозяином – медведем. Не только для орастки грибников, ягодников, разных туристов и бдительности пастухов. Просто лес без медведя, как река без рыбы, улей без пчёл, дом без людей. Да и лес ли это будет?!

ГРЕЛКА ДЛЯ ДУШИ

Наломал ноги, пока охотился за грибами. Хотелось проверить все потайные уголки, что ода-ривали когда-то «лесным мясом». Наломал грибов. Корзина всё чаще кочует с локтя на локоть,

давая рукам символический отдых. Подошёл ещё к одному памятному местечку, последней грибной надежде перед полями. Умаялся, а привернуть хочется. Сошёл с дороги. Но не всякий грибок попадает в кузовок: пусто под берёзами, голо под ёлками. Только рябчик вспорхнул с земли и настороженно застыл на ветке. Что рябок?! Не видал я их, что ли? Рядовая встреча, серенькая, как сам петушок. Белый гриб «выкорчевать» надеялся, да не один. Не получилось, обломался.

С увесистой корзиной выхожу из леса в поле. Клонию грибной груз, но досада берёт на последнюю несбывшуюся надежду. Эх, зависть человеческая, особенно у охотника-рыбака да грибника-ягодника (лесоруба-дровосека тоже): всё-то им мало! Пускать их в лес – всё равно что волка в отару. Такая убойная критика не оставила следа от чепуховой горечи. Чем дальше уходил от леса, тем сильнее наплывало приятное, тёплое чувство. Что-то такое уютное, домашнее... надёжное. Как будто в зимнюю стужу достал с горячей печки валенки и всунул в них озябшие ноги. Грела не доверху наполненная корзина. Что-то помимо неё, другое... Что? Ах, да! Рябчик. Вот что радует и греет душу. Встретил-то его в самых ближних к деревне угодьях. Всё лето ходил тут на сенокос и ни разу не спугнул эту скромную, но желанную в сезон дичинку. Думал, извелись уж тут рябчики.

Вообще-то у нас, деревенских охотников, существует негласный уговор: самых ближних к деревне птиц не трогать. Выходит, живы рябчики, не нарушен договор и не перевелась охотничья совесть. Разве это не может не греть и не радовать?

ИСХОД ЛЕТА

Прошло время, когда всё кругом тянулось к солнцу. Больше, выше, крупнее, зеленее... Пришла пора умиротворённого относительного покоя. Стихли птичьи песенки. Люди и звери жируют на ягодах да грибах. Тепло и сытно всем. Хорошо пройтись в августовский денёк по берегу лесной речки, высматривать в кувшинковых заводях уток. Щипать по пути то рубиновые, то эбеновые ягоды лесной смородины. Хорошо прилечь в луговую отаву, подставить лицо ещё не скупым, но уже не жгучим лучам светила. Напитанная солнцем земля сродни доброй печке-лежанке. Высоко-высоко редкими белоснежными ладьями плывут куда-то облака по голубому океану лета. Тяжёлыми и тёмными опустятся они потом к земле, наколются на пики елей на

слухах и прольются на мир холодной моросью. Но это уже другая страница бытия. Ласковый ветерок пропитан ароматом уложенного в копны сена. Аккуратные островерхие копёшки, как пули «Боген», там и сям расставлены на приречных лугах. Которые-то из них твои. От этого на душе радостно и покойно.

Да, лето созрело. Оно ещё с тобой, но... Вон на некоторых берёзках листочки зажелтели... Немного их ещё. Так у пожившего человека отчего-то появляются седые волоски. Вначале редкие и незаметные, как эти листочки... А осознать не успеешь, как в жизнь ворвётся осень. Как быстра ты, река Времени! Чувствует ли предосенний лес грядущие перемены? Иногда кажется, ему тоже не всё равно. Грустинка так и остаётся где-то в сердечном закоулке. Впереди ещё многие часы этого чистого дня и так много ждёт речных излучин. И где-то обязательно живут утки.

P.S. Увы, в настоящем нигде не видать следов человеческой деятельности. Разумеется, помимо вырубок и мусора. Луга затянуло бурьянами в человеческий рост, кустарниками и деревьями. «Ни тропиночки... ни ложбиночки...» Удочки рыбаку с берега не забросить! Дико, но... но убого ли?! Природа в любом виде прекрасна и неотразима.

ЛЕСНАЯ КРЕПОСТЬ

Ягодник настойчиво позвал сделать остановку. На рослом, до колена, кустарнике-черничнике сияли и подмигивали многочисленные то аквариумные, то обсидиановые глазки ягод. Огляделся в поисках приметного места, чтобы приютить поклажу. Её немало – позднелетний и раннеосенний лес богат и щедр на свои дары. Кроме ягод и грибов ещё рябчика добыть хочется, и, конечно, не из карманной рогатки.

Вот рядом зависла сушина, а там взметнулся еловый выскирь... Нет, не то. Таких примет в лесу что комаров. По мху пролегла приметная ниточка кабаньей тропы. Я не знал, откуда она тянется, но был известен её финиш – грязевые купальни. Хорошая и верная заметка. Тропа. Но тут взгляд упирается во что-то широкое, могучее, явно надёжное. Это стволы двух взрослых толстых деревьев (за 40 см в диаметре каждое) плотно срослись в комлях. Настолько плотно, что морщинистая кора одного из них двумя рубцами напыла на другое. На высоте человеческого роста мачтовые стволы слегка отклонились, отшатнулись друг от друга, и их кроны – одного с иголками

ми, другого с листвою – терялись в верхнем ярусе леса. Равные по силе и мощи деревья, выросшие как будто из одного семени, были, однако, разные – сосна и осина. Хвоя и листва.

Можно предположить: росла себе сосенка до некоторой поры в одиночестве, пока не прибило к её стволу энергичное семечко осины. Дерево это быстрорастущее, так что вскоре осиновый росток догнал возмужавшую уже сосну. В борьбе за жизнь, за солнце деревья рвались вверх и вширь. И вот они сравнились в своей силе и величии, навсегда сросшись корнями и комлями. Теперь за их стволами свободно скрылся бы лось с турнирными раскидистыми рогами-лопатами. Лесовод был бы не в восторге от такого древесного соседства, а меня «парочка» чем-то притянула. У их подножия я и оставил свою поклажу, так как этот живой монумент легко просматривался сквозь заросли.

Пока собирал ягоды, занозой сидело: чем же, собственно, зацепили, привязали эти деревья? Явно не только своей заметностью... Понимание пришло позже. Жизнь продолжала крутить, ковырять и дырять, словно штопор винную пробку. В очередной раз я переживал непонимание и отчуждение. Пожелтевшим и уставшим от жизни осенним листом был готов сорваться с кроны жизни и навечно опуститься к подножию. Принять землю на грудь в тоскливом одиночестве. В могучей же силе деревьев и их жизнелюбии почудилась надежда, наплыло потихоньку успокоение. Не находя поддержки среди близких людей, душа потянулась к деревьям. Человеку всегда нужен

щит, броня, заслон... чувство защищённости. Кремлёвский ли детинец, окоп ли на поле боя, кольчужка ли на нагольную рубаху – надёжный тыл. В памятных представителях большого леса такой оплот крепости и несокрушимости был очень осязаем.

Прошло уже достаточно много времени, чтобы тот день и те деревья стёрлись из памяти под сменой сезонов, обид и примирений, разочарований и успехов. Но не пропала та картинка несостоявшимся кадром на засвеченной фотоплёнке, не прикрыла её река времени илом забвения. Сосна с осиной продолжают оставаться символом надёжности и опоры. Вспомнишь о них и словно схоронишься, заслонишься деревьями от жизненных бед и неурядиц, и как будто прибудет надёжи и уверенности в завтра.

* * *

А ведь весь лес состоит из таких крепостиц. Как прекрасно это осознавать! Как здорово, что в любой день и час можешь оказаться в лесу, чтобы почерпнуть там силу для жизни среди людей. Оказаться если не ногами, не телом, то с помощью глаз через окошко.

Памятью!

Виталий Ювиальевич ЛАМОВ

родился в 1955 году в лесном посёлке Ёлга

Тарногского района Вологодской области.

Работал техником-лесоводом, имея под началом лесничество.

В 1980 г. получил диплом лесовода после окончания

Лисинского лесхоза-техникума в Ленинградской области.

Работал в лесхозе лесничим.

В данный момент пенсионер.

Публиковался в различных периодических изданиях охотничьей

тематики и в художественных сборниках.

Издано несколько небольших авторских книг.

В «Севере» публикуется впервые.

